

Империя Аспон

Марина Ли

Тридцать три поцелуя на десерт

«Литнет»

Марина Ли

Тридцать три поцелуя на десерт / Марина Ли — «Литнет»,
— (Империя Аспон)

Один подлец лишил меня любимого дела и крыши над головой. Второй мерзавец угрожает семье. И выбор у меня невелик – стать любовницей одному или супругой другому. Но что делать, если меня тошнит от обоих? Обратиться за помощью к третьему. Уж он-то не станет зажимать меня по углам и шантажировать здоровьем сестёр. Да и выставленный им счёт – ерунда. Один поцелуй. За каждый прожитый в замке день.

Содержание

Глава 1. Брусничные пироги, друзья и недруги	5
Глава 2. Ликёр из шиповника, любовники и не любовники	15
Глава 3. Клюква в сахарной пудре, радости и гадости	25
Глава 4. Медовуха, мысли вслух и вдруг	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тридцать три поцелуя на десерт

Автор: Марина Ли

Глава 1. Брусничные пироги, друзья и недруги

– Мадейлин, детка, твои пироги с брусникой почти так же хороши, как те, что в далёком детстве пекла моя бабушка, – с улыбкой на губах сообщила мне Шарлотта Нейди-Остин, когда я передавала ей коробку с заказом.

Эту фразу она произносила ровно три раза в неделю: в понедельник, в среду и в пятницу, по пути от ЦИПа до дома своей дочери, вот уже третий год кряду. Не думайте, что я помню всех своих покупателей – в Фархесе, хоть и нечасто, но всё-таки бывают приезжие, – однако госпожа Нейди-Остин была моей первой.

В тот день за окном лило, как из ведра, и, несмотря на летний полдень, темно было так, словно снаружи бушевал лютый ноябрь.

Самый его конец.

Я вынула из печи пироги с брусникой – те самые! и распахнула входные двери. Не то чтобы я очень верила, что их аромат пробьётся сквозь густую, как яичный ликёр, завесу дождя, но как по-другому в такое ненастье я ещё могла заманить в свою кофейню покупателей?

С боем я отвоевала место на центральной площади Фархеса, со слезами выторговала приличную цену за аренду, своими руками руководила ремонтом, охрипнув и окончательно утратив веру в мужчин, все последние медяки спустила на анонс в местном газетном листке, на афише в ЦИПе и на записки на городских досках объявления...

И вот результат.

Мальчишка-газетчик утопил половину выпуска в огромной луже перед зданием типографии, краски на афишах расплылись, а объявления белыми корабликами проплывали по звонким ручьям, облизывающим камни мостовой за окнами моей витрины.

Уж полдень близится, а покупателей всё нет. А если их и не будет... Первый день, первая неделя, первый месяц – они ведь самые важные! Если я не найду своих покупателей в этот срок, вряд ли я смогу отыскать их позже. И что ждало бы меня в этом случае? Крах и полное разорение.

Нищета.

О нищете моя семья знала не понаслышке.

За окном продолжала злиться непогода, косые струи ливня с остервенением пенили воду огромной лужи, занявшей всю площадь, старый клён, в тени которого я планировала разместить уличный столик, болезненно стонал и жалобно скрёбся зелёными ветками в окна моих витрин, когда в дверях кофейни появилась пожилая дама.

Одета она была в летнее пальто модного кремового оттенка, миниатюрную шляпку, неизвестно каким чудом (уверена, без магии не обошлось!) удерживающуюся на серебристых волосах, уложенных в сложную причёску, из-под подола голубой юбки выглядывали носки коричневых ботинок.

От дождя моя гостья пряталась под огромным, как парус, зонтом. Алым, как зимний рассвет, но с ярко-зелёными горошинами и оранжевой кружевной оборочкой по краю. В жизни не видела ничего более... странного.

– Ну и погодка сегодня, детка, – солнечно улыбнулась она мне с порога, опуская на пол небольшой дорожный саквояж и с усилием складывая свой ужасный зонт в обычную трость. – Бургомистр бы должен вместо кучеров по городу пустить паромщиков.

Раскатистый гром немного приглушил последние слова моей посетительницы, но не испортил ей настроения. Она погрозила тростью моему потолку, ворча при этом:

– Побалуй мне ещё!

Ненастье, словно испугавшись, утихло, призадумалось на мгновение, а потом ударило в окна витрин с новой силой.

– Я у тебя пережду ненастье. Не возражаешь? – Гостья вскинула тонкую ниточку насурьмлённой брови и выжидательно глянула на меня.

– Вам не о чем беспокоиться, аренда оплачена на полгода вперёд, да и запасов еды хватит надолго, – жизнерадостно заверила я, выходя из-за прилавка – Так что мы не погибнем даже в том случае, если дождь затянется на несколько недель.

– Недель?

Я кивнула.

– В газетном листке как раз недавно пропечатали рассказ одного путешественника, который больше года прождал отправления дирижабля. Представьте себе, в тех землях сезон дождей затянулся на тринадцать месяцев и восемнадцать дней!..

Гостья с сомнением оглянулась на улицу.

– Но в Аспоне такое маловероятно, – продолжила свой рассказ я. – Нашим магам любая непогода по плечу!.. Позвольте вам помочь?

Женщина фыркнула, но свой зонт и небольшой саквояж отдала мне без возражений.

– Снимайте пальто, – велела я, указывая рукой на рогатую вешалку, притаившуюся в углу за дверью. – В верхней одежде вам неудобно будет пробовать мой брусничный пирог.

– Брусничный пирог? – Дама с шумом вдохнула плывущий из кухни аромат и мечтательно прикрыла глаза. – Пахнет почти так же хорошо, как в детстве, на кухне у моей бабушки. Никто в целом мире не готовил брусничные пироги так, как она.

И добавила, грозно сдвинув брови над переносицей:

– И не вздумай мне предложить чай или лимонад! Брусничные пироги запивают только свежим молоком! Надеюсь, оно у тебя есть?

– Отыщется, – разулыбалась я.

С тех пор прошло три года, а Нейди-Остин всё так же ворчит, пытается учить меня готовить и рассказывает про бабушкины пироги. Она успела перетаскать в мою кофейню всех своих подруг, познакомила меня со своей дочерью Анной, которая вышла замуж за фархесского ювелира, короче, сделала для меня больше, чем вся реклама, на которую я спустила весьма внушительную сумму.

И да, я знала, как зовут эту покупательницу – мою первую покупательницу! – потому что смело могла считать её своим другом.

– Мадейлин, детка, твои пироги с брусникой почти так же хороши, как те, что в моём далёком детстве пекла моя бабушка, – привычно сообщила мне госпожа Нейди-Остин, принимая коробку с заказом из моих рук.

– Вы не устаёте мне напоминать об этом, Лотта, – ответила я. – Не представляете, как для меня это важно, знать, что приготовленные мною блюда не только утоляют физический голод, обладая при этом отличным вкусом, но и справляются с голодом духовным, вызывая приятные воспоминания из детства... Хотите взять для внуков сливочного мороженого? У меня сегодня три вида есть: ванильное, шоколадное и малиновое.

Шарлотта с сожалением качнула головой.

– Холодно. Боюсь, как бы снова не простудились. И так этой зимой Мина два раза с горячкой лежала... Кстати! Правду говорят, что у мастера Туга *порченная лихорадка*?

Я с хмурым видом кивнула.

Мастер Туг был известным на всю округу зодчим. Начинал он простым каменщиком, затем стал проектировать дома, даже в столице работал какое-то время, а на центральной пло-

щади Фархеса, в десяти метрах от входа в мою кофейню, стоял девташлар, памятник в честь погибших на Пределе воинов.

Пятнадцать лет назад мастер Туг вернулся на родину и поселился в здании, которое когда-то сам и построил, а ещё двенадцать лет спустя позволил мне открыть в нём кофейню.

За весьма внушительную сумму, надо сказать. Нет, я не жалуясь! Сумма, хоть и была огромной, назвать её несправедливой я не могла. Тревожило меня совсем другое.

Мастер Туг был прижимистым стариком с весьма скверным характером, у него отвратительно пахло изо рта и за три года он не сказал ни одного доброго слова о моей стряпне, хотя, согласно договору, бесплатно завтракал в моей кофейне пять раз в седмицу, однако общий язык мы с ним всё же находили.

Наши отношения были прозрачными, как слеза младенца: я вовремя платила за аренду, а он по первому зову решал редкие проблемы бытового характера, вроде засорившейся каминной трубы или сломавшегося замка.

Но вчера мастер Туг не спустился к завтраку, а к обеду его сын вызвал единственного фархесского целителя, который и озвучил нерадостный диагноз:

– Порченная лихорадка.

Она уже несколько месяцев бушевала в округе Фархеса, но в город пробралась впервые. Жуткая магическая хворь, от которой мало кто выздоравливает. Уж я-то знала. Когда девять лет назад, мы тогда ещё на Цветочной улице в столице жили, эту заразу подцепила Нанни, а вслед за ней маменька, Дафна, Лейла и малышка Линни, я уж тогда думала, что совсем одна останусь, так они плохи были... Помню, я сунулась было к местному целителю, так он меня палкой из своей клиники выгнал, чтобы я, упаси Предки, заразу в его клинику не принесла...

Сушёной клюквой я своих выхаживала. Заваривала кипятком, добавляла мяту и кленовый сироп. Липовый чай делала. Но вряд ли помогло именно это, все ведь знают, что от порченной лихорадки нет лекарства, от неё только магия помогает, и то не каждый целитель способен её вылечить... А я вот как-то вылечила.

Маменьку, Нанни, Дафну и Лейлу. И только малышка Линни ещё долго-долго болела, да и сейчас – хрупкий цветочек, самая нежная и самая слабенькая из нас.

А они ведь были здоровыми, сильными и молодыми, тогда как мастер Туг... Он свой сотый день рождения отпраздновал лет за пятьдесят до того, как я появилась на свет.

– Всё плохо? – по моему выражению лица догадалась Шарлотта Нейди-Остин. – Целитель был?

– От нашего целителя пользы, как от козла молока, – качнув головой, ответила я. – Не считите за грубость, но вы и сами знаете, какой он.

Горожане эрэ Бирна называют осторожным за его привычку едва ли не каждого пациента отправлять на консультацию в столицу, а я всегда считала его лентяем и трусом, способным лишь прыщи молодым хлыщам лечить, да омолаживающие маски делать стареющим красавицам. Уж с ними он часами сидит, чаёвничает, эклеры мои лопают... Я прямо заранее знаю, как закажет одна из подружек нашей бургомистрши коробку эклеров, так жди, что завтра на центральную площадь прогуляться выйдет, пешком, без коляски, чтобы все успели рассмотреть, как свежа и нежна её кожа.

А вот у мастера Туга эрэ Бин вчера засиживаться не стал, кубарем скатился в кофейню и с порога потребовал стакан ледяного лимонада. Долго шептал над ним что-то – не иначе порчу от себя отводил, при этом руки у него тряслись, а на бледном лбу собрались крупные капли пота.

– Мастер Туг поправится? Или вы его в столицу лечиться отошлёте? – щедро поперчив свой голос презрением, спросила я, а целитель зыркнул на меня из-под бровей и выплюнул:

– С порченной лихорадкой в столицу? Нет уж, милочка! Я пока ещё в своём уме. Дома пусть умирает...

– Умирает? Вы что же? Даже не попытаетесь его вылечить?

Он не ответил. Залпом выпил лимонад и, не заплатив, ушёл. Я же полдня и всю ночь думала о бедном старике. Переживала. Вспоминала, что точно делала, когда пыталась поставить на ноги маменьку и сестёр...

А утром, когда Салливан, правнук мастера Туга, зашёл в кофейню, я бросилась к нему, забыв о наших размолвках, которые случались довольно часто, в основном из-за того, что у этого парня руки были длинные, а у меня тяжёлые.

– Здравствуй! Ну, как ты? Как себя чувствует мастер? Что сказал целитель? Могу я чем-нибудь помочь?

– Помочь?

Глянул так, что я разом вспомнила, почему обхожу младшего Туга десятой дорогой и всегда стараюсь сделать так, чтобы между мною и им было какое-нибудь препятствие.

– Я что-нибудь придумаю, поверь. Когда старый козёл перестанет вонять и подохнет, а я стану хозяином этого всего, ты, маленькая заносчивая гордячка, мне очень, очень, очень сильно поможешь.

Я брезгливо сморщилась.

– Кривишься? – оскалился Салливан, рывком притягивая меня к себе. – Рожа моя тебе не нравится?

На самом деле рожа у него была довольно симпатичная. Чистая, смуглая кожа, густые тёмные волосы, глаза большие, тёмные, в обрамлении пушистых ресниц. Да и фигурой парень был хорош. Высокий, поджарый...

Я раньше думала, что он просто бабник, а теперь вдруг выяснилось, что и мерзавец при этом. Гадость какая...

– Мне не нравишься ты, – произнесла я, даже не дёрнувшись, когда Салливан склонился к моему лицу и медленно, с отяжкой провёл языком от виска до подбородка. – И лучше бы тебе меня отпустить.

– А то что? Что может сделать мне такая малышка?

– Пощупать своими коготками твои причиндалы, придурок, – ответила я и ткнула кончиком хлебного ножа в ногу мужчины. Специально оружие я не брала, просто так совпало, что когда он вошёл, я как раз нарезала хлеб к продаже.

Салливан зашипел и с силой оттолкнул меня. Край прилавка больно впился мне в бок, но я не подала виду.

– Уходи, Сал, – выпрямившись, потребовала я. – Не будь дураком.

Он не торопился выполнить моё требование, хотя защитное заклинание на стенах кофейни и начало просыпаться после моих слов. Ставила я его от грабителей, страшно вспомнить, сколько пришлось заплатить приезжему магу!, но Сал, видимо, недалеко от них ушёл.

– Посмотрим, как ты через пару деньков запоешь, – процедил он. – Теперь уж старому козлу недолго осталось. Некому будет тебя защищать.

Я сжала губы и ножом указала на выход.

– Проваливай.

Стена за прилавком вспыхнула голубым (первое предупреждение) и самый младший Туг злобно выругался:

– Шалава.

И ушёл, а я не бросилась перечитывать договор о найме только потому, что сама его составляла. Ну, как сама? Я ведь до Фархеса в столице жила, работала в мясной лавке у дедушке Суини. Целых пять лет работала и многому успела научиться. Как торговаться с поставщиками, что делать, чтобы продукты на складе не портились, как предлагать товар посетителям, сколько раз в месяц устраивать бесплатные дегустации, кому давать персональные скидки, но главное – как при этом при всём сэкономить, чтобы чистая прибыль была максимальной.

Дедушка Суини за помощью обращался к королевским стряпчим. Они ему все-все договоры помогали составлять. Те самые, которые я потом кропотливо переписывала в специальную тетрадь, чтобы в будущем использовать за образец.

Так что, если мастер Туг не переживёт порченную лихорадку, а я от всей души желала ему выздоровления и долгих лет жизни, на улицу меня никто не выгонит. Срок аренды у меня истекает чуть меньше чем через год, так что я спокойно смогу найти подходящее помещение и переехать.

Конечно, вряд ли оно будет таким же замечательным, и потерю я не только кофейню, но и маленькую квартиру на втором этаже, в которую я могла подняться по узенькой лесенке в задней части лавки. Что было весьма и весьма удобно, если учесть, что молочник и мясник свой товар привозят ещё до рассвета. Это, несомненно, расстраивало, но...

Во-первых, я надеялась на лучшее.

А во-вторых, как любит говорить моя маменька, всё, что ни делается, всё к лучшему. Она вообще у меня ужасная оптимистка, даже удивительно, при её-то невезении.

Впрочем, об этом стоит рассказать поподробнее.

Маменька моя, урождённая Сесиль Кланси, родилась в семье не очень удачливого лавочника и актрисы передвижного театра, певички варьете, если называть вещи своими именами. Брак моего деда и бабки был жарким, счастливым и недолгим, как майские грозы. Вскоре после маменькиного рождения бабушка прихватила из дедовой лавки всю выручку, упаковала в саквояж все серебряные ложки, которые сумела найти, и сбежала, не оставив адреса.

Дедушка погоревал-погоревал, а потом оформил через императорских стряпчих развод, и торжественно поклялся более не впускать в свою жизнь женщин. К моменту этой клятвы деду было глубоко за шестьдесят, и бабка была его третьей, юбилейной, как он любил говорить, женой. Первые две, оставив по три сына, ушли в зелёные луга Предков. Первая не пережила родов, вторая разбилась в коляске – испугавшаяся молнии лошадь свалилась в обрыв.

– Слава магии и Предкам, что от последней мне досталась только одна дочь, – любил повторять дед, – ещё две таких же точно вогнали бы меня в могилу раньше срока.

Этого я не помню, дед умер ещё до моего рождения, но эту фразу не раз произносил и дядюшка Саймон, самый старший из маминых братьев, у которого мы жили после того, как моего папеньку сослали на каторгу за многожёнство. Маменьке было шестнадцать лет, когда она познакомилась с этим бравым воякой и, сговорившись, сбежала с ним через седмицу после дня знакомства. Дед с братьями нашёл их в деревенской таверне в двух днях пути от столицы. Одну выпорол, второго сдал жандармам – тогда-то и стало известно, что у папеньки по одной жене в каждом районе столицы, и ещё пять в южных краях.

Мне едва исполнилось два года, а маменьке – девятнадцать, когда в нашем доме появился Базил фон Габр, барон Тонимский, пройдоха и плут. Он пытался повторить подвиг моей бабки – сбежать с награбленным, но был пойман дядюшками, сильно бит и отправлен вслед за первым маминым якобы мужем.

И да. Фальшивый барон фон Габр подарил нам Нанни и Дафну, потому что маменьке повезло разродиться двойняшками.

Глава рода Кланси, дядюшка Крис, после этого счастливого события купил домик в пригороде Аспона и торжественно подарил его младшей сестрѐнке на её двадцать первый день рождения со словами:

– Дорогая сестрица, ты слишком дорого обходишься мне, моей семье и моим братьям. Поэтому прими этот дар и помни, я рад всем гостям, одна беда: гостей, как и рыбу, на третий день нужно выбрасывать.

Этот дом я уже помнила. Он был большим, светлым, а в детской комнате были магические витражи, которые менялись в зависимости от погоды за окном и от настроения внутри

дома. Обычно нам с сёстрами показывали истории из жизни пленниц драконов. Наверное потому, что маменька читала слишком много сентиментальных романов...

Именно поэтому Лейлу мы с Нанни и Дафной до сих пор называем маленькой драконицей, или наследницей драконьего трона. Отца мы её видели много раз: это был решительный красавец с густой чёрной косой до пояса, который исчез ровно тогда, когда у маменьки начались утренние недомогания, что, как правило, бывают у тяжёлых женщин.

Родителем моей последней сестры стал достопочтенный господин Тауни. Единственный, кто взял маменьку в жёны без какого-либо обмана, удочерив меня и всех моих сестёр. Он переехал в наш домик, учил нас с девочками рыбачить и ездить верхом, подарил маменьке её последнюю дочь, малышку Линни, а затем проиграл всё в карты и застрелился.

И вместе со всем этим маменька не утратила вкуса к жизни, радовалась каждому солнечному лучу и утверждала, что всё, что ни делается, делается к лучшему.

Разве я хуже?

Тем же вечером, сложив в небольшую корзиночку кое-что из любимых мастером Тугом угощений, я выскочила на улицу и, обойдя дом по кругу, зашла со стороны чёрного хода. Поднялась по гулкой лестнице на третий этаж и решительно дёрнула за хвостик магического звонка. Сначала ничего не происходило, а потом в глубине квартиры скрипнула половица.

Я подождала с минуту и снова позвонила.

– Конни, я тебя слышу! – довольно громко крикнула я, и эхо моего голоса заполнило пустоту огромного дома. – Это я, Мадэйлин!

Никакой реакции.

Тогда я ещё раз позвонила, одновременно колотя кулаком по створке двери.

– Открой! Ты меня знаешь, я всё равно не уйду! Лучше по-хорошему открой.

Я выждала ещё какое-то время, и когда в квартире снова закрипели полы, в раздражении притопнула ногой и пригрозила:

– Считаю до десяти и иду в жандармерию! Шефа Лоиса заинтересует моя история о том, как вы решили уморить до смерти почётного подданного Его Императорского Величества, знаменитого зодчего мастера Туга.

Это помогло. Дверь приоткрылась, и в узкой щели показался перепуганный карий глаз Конни – служанки мастера Туга.

– Не велено пушать, – просипела она громким шёпотом. – Молодой господин строгонастрога запретил... Порченная лихорадка у нас...

– И у тебя? – Ахнув, я непроизвольно попятилась.

– Только у мастера, – пробормотала Конни в ответ и оглянулась, прислушиваясь к звукам в глубине квартиры. – У меня эта... как её? Карантена. Эрэ Бирн третьего дня приходил...

Его-то я видела, а толку?

– Распорядился, – продолжила рассказ Конни. – Порошков оставил каких-то...

– От порченной лихорадки? Вот же старая сволочь! – яростно возмутилась я. – Не лечат её порошками, лихорадку эту, потому что нет таких порошков, которые проклятье развеивать умеют.

– Не, – тряхнула головой Конни. – От карантены. Не такая уж я тёмная, как ты думаешь. Сама знаю, что от этой хвори лекарств нет... Да и ты не лекарка и не целительница. Разве можешь чем-то всерьёз помочь?

Я вздохнула, теряя запал.

– Тогда хотя бы пирожки возьми, – предложила неуверенно. – Ну и там ещё кое-что для мастера.

Служанка округлила глаза и даже, как мне показалось, немного побледнела.

– Да ты что! Молодой господин узнает, что я кому-то двери открывала, шкуру с меня спустит... Но ты не беспокойся! Я хорошо о хозяине забочусь. Глядишь, он ещё и не помрёт...

И я отступилась, понимая, что всё равно ничем не смогу помочь.

Следующие несколько дней прошли в печальном спокойствии. Покупатели приходили в кофейню, делали свои привычные заказы, встречались с приятелями и приятельницами, сплетничали... Но в половину тона ниже, тихим шёпотом, наполненным сожалением и стыдливой суетой. Так бывает, когда дальние родственники, которые не виделись друг с дружкой годами, собираются под одной крышей по случаю поминок.

Горестные всхлипывания вдовы, приглушённые разговоры, сочувствующие вздохи, полные соболезнования взгляды... И вдруг кто-то промолвит украдкой:

– А помнишь, как у покойного в саду яблоки воровали?

– А он бежал за нами вприпрыжку и штаны потерял.

– А жена его высунулась в окно...

И когда уже смех почти готов сорваться с губ, перед глазами появляется гроб с покойником, и нечаянные шутники понимают, как неуместна сейчас ностальгия.

Я знаю, о чём говорю. Когда дедушка Суини умер, я в его доме и не такое видела. Впрочем, удивляться-то нечему. Сыновья его в лавке не работали, братья жили далеко, а единственная сестра, хоть и обитала через дорогу от нашей лавки, в гости навещалась только по праздникам.

Вот и с мастером Тугом так же. Все его знали, уважали и проявляли сочувствие в связи со случившейся болезнью. Но, вместе с тем, он оставался для них чужим человеком.

Да что говорить о горожанах! Он и для меня был почти чужаком!.. Но когда стены нашего дома украсили чёрные траурные стяги, а всю площадь засыпали белыми и нежно-розовыми лилиями, мне стало по-настоящему грустно.

Второй раз в жизни я столкнулась со смертью.

Когда умер дедушка Суини, приютивший мою семью и научивший меня едва ли не всему на свете, я просто ужасно горевала. Маменька даже боялась, как бы я не заболела.

Когда не стало старого ворчуна Туга, я повязала на голову чёрный платок, закрыла на несколько дней кофейню и уехала на Предельную станцию к родным.

Когда-то здесь была крайняя точка, за которой начинались необитаемые земли, отгораживающие Предел от Империи. Народ давно вернулся в брошенные дома, успел отстроить новые и нарожать детей, о демонах знающих только по рассказам, а вот названия остались до сих пор.

Предельная станция. Последний перевал. Посёлок Дозорный...

Маменька с сёстрами жила в доме, который когда-то принадлежал дальнему родственнику господина Тауни, пустившего пулю себе в лоб. Родственник владел огромной конюшней, в которой из всех лошадей был пыльный от старости жеребец, мерин неведомой масти и любопытная, как кошка, кобыла, молодая и со вздорным характером.

Дом был в отличном состоянии, а вот конюшне требовался основательный ремонт. Маменька ремонтом заниматься отказывалась.

– Мне в моей жизни жеребцов хватило, – категорически заявляла она. – Так что это стойло пусть какая-нибудь другая коннозаводчица чистит.

А вот идея организовать на станции таверну ей понравилась. Пришлось, конечно, поскандальить, чтобы отвоевать себя право на свободу, но, в конце концов, маменька меня поняла.

– Ты как всегда права, Мадди, обвиняя меня в эгоизме, – сказала она. – Мне-то в своё удовольствие жить никто не мешал... Поживи и ты.

Сесиль Тауни, урождённая Кланси, не была бы собой, если б не сумела перевернуть мои слова о свободе на лишь её одной понятный лад.

– Матушка! – возмутилась я, но она лишь по-доброму улыбнулась.

– Только будь умнее своей старушки-матери. Не рожай от каждого кавалера по ребёнку.

Старушки. Как же! В этом году мы с сёстрами планировали большое торжество по случаю её сорокового дня рождения, а на момент того разговора дорогой родительнице не исполнилось ещё и тридцати семи.

На Предельной я, как правило, выдерживала не более двух дней, а в прошлый свой приезд и вовсе удрала, не выдержав и суток. Уж и не знаю почему, но стены уютного домика на меня давили, свежий воздух раздражал, вечерние заморозки злили, неизменно звонкая капель просто бесила, а маменькина забота душила так сильно, что у меня начинала кружиться голова.

И ведь она не делала ничего такого! Готовила завтрак, который кто-нибудь из сестёр приносил мне в комнату, болтала о местных жителях, выпрашивала фархесские сплетни, даже спрашивала советы по готовке, хотя сама же и научила меня почти всему... Но этот её неизменно настороженный, заискивающий взгляд, это желание угодить во всём, непременно добиться моей одобряющей улыбки или кивка... За всем этим я днём и ночью чувствовала что-то неправильное, и очень долго не могла понять, что именно, пока однажды наша младшенькая меня не просветила в своей привычной небрежно-болтливой манере:

– Нанни говорит, что ты на мать волком смотришь, а она из шкуры лезет, чтобы тебе угодить. Правда, что ли?

Мы с ней как раз работали над тестом для хлеба, и я от неожиданности едва не выронила в чан весь мешок с мукой, что, конечно, стало бы трагедией и напрочь убило бы опару.

– Чего? – протянула я, вытирая руки о передник. – Вы тут в Предельной глуши, смотрю, совсем одичали?

– Ничего! – Глянула на меня наглым зелёным глазом, ну просто никакого почтения к старшей сестре! – А просто ей стыдно.

Ронять мне было уже нечего, поэтому я уронила себя саму. На вовремя подвернувшийся под пятую точку стул.

– Я маленькая была и не помню, но Нанни, и Дафна, и Лейла тоже, говорят, что ты нас всех спасла, когда к старику Суини в лавку устроилась работать, что с того света нас вытянула, что, если бы не ты, мы давно или по садам Предков гуляли, или ноги для клиентов какого-нибудь борделя раздвигали.

– Кейлин Сесиль Тауни! – Я хлопнула по горестно искривлённому рту ладошкой. – Это что за разговоры такие?! Ноги? Бордель? Это кто тебя тут так просвещает? Нанни? Да я ей так выпплю, неделю сидеть не сможет!

Линни недоверчиво закатила глаза. Ну да. Нанни и Дафна статью в своего покойного батюшку пошли, господина Габра, и хоть и были младше меня на два с половиной года, подзатыльником я их могла наградить только в том случае, если предварительно встану на стул.

Шутки шутками, но после этого разговора я стала внимательнее присматриваться к маменьке, и в самом деле стала замечать за так раздражающей меня угодливостью стыд. От этого прямо ещё хуже стало: стыдилась она, а виноватой чувствовала себя я, прямо до слёз, поэтому и ограничила свои визиты в Предельную до минимума, отговариваясь делами в кофейне, хотя и маменьку, и сестёр любила очень сильно, жизни без них не мыслила.

Из Фархеса в тот раз я уезжала с тяжёлым сердцем, понимала, что так или иначе придётся искать новое место для лавки, а если поиски затянутся, я буду вынуждена и вовсе переехать в Предельную. Хорошего настроения мне эти мысли не добавили, к тому же раздражение шевельнулось холодной змеёй, стоило увидеть виновато-радостную маменькину улыбку.

Я мысленно шикнула на себя, туша это гадкое чувство, а затем порывисто обняла родительницу и прошептала, прижавшись плечом к пахнущему сладкими травами и кухней плечу:

– Я люблю тебя, мам.

– И я тебя, малышка, – ответила она, удивлённая этим внезапным порывом. – У тебя что-то случилось?

– Нет. – Я покачала головой. – Просто хочу, чтобы ты знала. Мы тебя ужасно любим. Все.

– Даже несмотря на то, что я у вас такая бестолковая? – в таких же зелёных, как у меня, глазах подозрительно сверкнули слёзы, и я поторопилась заверить:

– Другой нам не нужно!

Но это не помогло, и она разрыдалась. И я вслед за ней, потом к нам присоединилась Линни, и Нанни, и Лейла. Дафна держалась дольше всех, но и она не железная, так что в слезах мы едва не утопили кухню, на которой моим родным предстояло ещё готовить обед для почтовых работников, и для экипажа дирижабля, на котором я прибыла на Предельную, ну и для других местных жителей тоже.

После этого случая маменька стала смотреть на меня иначе, а я наконец-то вздохнула полной грудью, почувствовав себя, наконец, дома. Впервые за много лет мне не хотелось поскорее убежать на работу, да и вообще о работе думать не хотелось.

Точнее не так. Не хотелось думать о проблемах, которые непременно возникнут, как только я вернусь в Фархес. Поэтому я оттягивала, оттягивала и оттягивала своё возвращение, и тогда проблемы приехали за мной на Предельную.

И ведь что самое интересное, ничто не предвещало неприятностей! Я проснулась рано утром и, пока в доме все спали, спустилась на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Блины в этом доме любили всегда, а мои – особенно. Уж так получилось, что в нашей семье, где было намешано столько кровей, сколько нет в некоторых маленьких государствах, никому не досталось ни капли магии. За исключением меня.

Нет, магом в полном смысле этого слова я не была, но некоторой особенностью обладала: мне достаточно было один раз глянуть на человека, чтобы угадать его вкусовые предпочтения. Какие именно он любит блины: тонкие, пышные, с начинкой или без, со сметаной, с корицей, с рыбьей икрой или с кленовым сиропом... А уж о предпочтениях своих домашних я знала давным-давно.

Поэтому этим утром я свой выбор остановила на маленьких круглых оладьях.

Просеяла в большую миску две с половиной чашки муки, сахару добавила, соли, соды совсем немножко, одну чашку кислого молока, одно яйцо и, конечно же, ваниль. Ваниль в моей семье страстно любили все.

Разогрела на малом огне огромную чугунную сковородку и, осторожно черпая густое тесто, разлила первый десяток блинчиков. Аромат пошёл сразу такой, что у меня в желудке что-то заворчал, нетерпеливо и жадно.

Едва дождавшись, пока первая порция зарумянится с обеих сторон, я схватила самый симпатичный блинчик, обжигающий, ароматный, и, постанывая от удовольствия, запихала его в рот прямо целиком.

Тем временем на кухню спустилась маменька, поцеловала меня в висок.

– Хозяюшка моя... Пахнет так, что я язык готова проглотить. – Достала из холодильного шкафа жбан с молоком, варенье, печёночный паштет и черешневый компот. Магии ей судьба не отвесила ни грамма, но, как и я, она была прекрасно осведомлена о вкусовых предпочтениях своих дочерей, которые тоже не заставили себя ждать, и сонные, зевающие, спускались вниз по одной, завязывая пояски халатов и жадно принюхиваясь к лучшему в мире будильнику – утренним оладушкам.

Мы ещё не закончили завтракать, когда в дверь домика кто-то стукнул, решительно и громко.

– Может, молочник? – неуверенно пробормотала маменька, но посмотрела при этом отчего-то на меня.

Дурное предчувствие ледяными пальцами сжало моё ёкнувшее от иррационального страха сердце, но вопреки всему я упрямо согласилась:

– Может.

– Я открою! – Вскочила на ноги Линни и, на ходу запихивая в рот очередной блинчик, резвой козочкой поскакала к двери, в которую продолжали настойчиво колотить.

Я и трёх вздохов не успела сделать, как по всему домику разлетелся внушительный мужской бас:

– Фру Мадейлин Тауни?

– Ой, – пискнула вместо ответа Линни, и я тут же поторопилась к нашей младшенькой на выручку, чувствуя, как мне в затылок дышат остальные домашние.

– Я фру Мадейлин Тауни, – выкрикнула я, выскакивая в выставшую за ночь прихожую. – А вы, собственно...

Хотела спросить, по какому вопросу, но осеклась, увидев чёрную форму и золотые эполеты. Императорский стряпчий.

– Примите. – Протянул мне жёлтый пакет. – Вашу левую руку, будьте добры.

Проколол безымянный палец церемониальной иглой, кивнул, щёлкнул каблуками и, не произнеся больше ни слова, вышел на улицу.

Маменька смотрела на конверт в моих руках, как на ядовитую змею, с тревогой и опасением, а сёстры скорее с любопытством, и Линни, как обычно, не выдержала первой.

– Ну, что там? – подпрыгивая на месте от нетерпения, спросила она. – Открывай же скорее!

– Действительно, – откашлявшись, согласилось с сестрой Лейла, и зачем-то добавила:

– Императорские стряпчие такие важные, скажи? У меня от них сердце в пятках колотится.

– Скажи своему сердцу, что пока оно мне диплом об окончанных кулинарных курсах не принесёт, пусть и не думает на посторонних стряпчих засматриваться, – проворчала маменька, шлёпнув при этом сестру полотенцем по месту пониже спину. – Мадди, что там?

Я вскрыла всё ещё искрившийся от магии крови пакет и несколько минут изучала единственный документ, обнаруженный мною внутри.

Это было судебное предписание, выписанное не нашим, фархесским, судом, а судом Императорским, здание которого размещалось прямо напротив дворца нашего правителя в столице.

В предписании мне вменялось в обязанность являться на все следственные мероприятия, связанные с предстоящим судом, истцом в котором выступает Салливан Туг, единственный наследник известного зодчего Клариуса Туга, а роль ответчика отводилась мне.

По версии следствия я, отпетая мошенница и аферистка, сумел так задурить голову старому, и без того совершенно выжившему из ума мастеру, что он отписал мне в наследство не только лавку, которую я у него арендовала, но и весь дом, от которого, впрочем, мне не было никакой пользы, потому как его опечатали до окончания судебного следствия. Либо до полюбовного соглашения сторон.

Полюбовного.

Меня перекосило от отвращения, а маменька тихонечко выдохнула:

– О, Предки... Что же теперь будет?

– Кажется, какое-то время мне придётся жить на Предельной, – пребывая в состоянии полного шока, ответила я, ещё не подозревая, что это не самая моя большая проблема.

Глава 2. Ликёр из шиповника, любовники и не любовники

– Моя невеста вознамерилась выйти замуж за вас, Мэтр, – прямо с порога заявил любимый протеже моей дорогой сестрицы и единственный некромант в замке. – И мне данное положение вещей категорически, просто категорически не нравится!

Джону Дойла я знал давно, но впервые видел его в таком встревоженном состоянии.

– Прости? – Я откинулся на спинку кресла и жестом предложил парню занять свободное место по ту сторону стола, но он мотнул вихрастой головой, продолжая сверлить меня недовольным взглядом. Раньше бы я за такой взгляд отправил этого волчонка на плац, Мерфи Айерти вмиг бы выбил из его юной головы дурь, но сегодня я совершенно неожиданно понял, что парень вырос. – Мне на секунду почудилось, что я уснул во время не самого лучшего представления. Как ты сказал? Твоя невеста собралась замуж за меня?

– Именно для этого она сюда приехала.

Вчера ни свет ни заря меня разбудила сестра. Не лично. К сожалению, виделись мы гораздо реже, чем хотелось бы. Несмотря на ранний час, Бренди выглядела просто превосходно, улыбалась, щуригла глаза, как лисичка, и выглядела такой довольной, как в детстве, когда ей случалось стать инициатором одной из наших шалостей.

– Бред, у меня отличная новость! – объявила она вместо приветствия. – Я нашла целителя для твоего замка!

– И снова забыла о разнице во времени, – проворчал я и почесал правый глаз. Отчего-то именно он отказывался открываться. – Что за целитель?

– О, ты его знаешь, – рассмеялась она. – У него на носу веснушки, росту чуть ниже меня и коса до пояса.

– Кузнечик? – догадался я. Не то чтобы это была новость. Кузнечик, а точнее, Агава Пханги и мой некромант Джона Дойл с детства были лучшими друзьями, и все, разве что за исключением самого Кузнечика, знали, что рано или поздно эта парочка поженится. Я, откровенно говоря, не рассчитывал заполучить малышку в замок раньше осени, но кто я такой, чтобы отказываться от внезапных подарков судьбы.

– Рыжий, честный и влюблённый, – подтвердила мои мысли Бренди. – Она очень хорошая девочка, Бред. Помоги ей с практикой, пожалуйста. И если всё пройдет хорошо, то мы встретимся на свадьбе этих двоих ещё до того, как я снова стану похожа на дирижабль.

От этой новости я окончательно проснулся.

– Серьёзно? У меня будет ещё один племянник или племянница? Дак, поди, на седьмом небе от счастья!

– С ума сошёл? – Бренди выпучила глаза и покрутила пальцем у виска. – Я пока ему не сказала. Ты же знаешь, он сразу запрёт меня дома. Ну и вообще... Ты же помнишь, как всё было, когда я носила близнецов. К моменту родов этот параноик совершенно озверел и шагу мне из дома не давал ступить свободно.

– Именно поэтому рожать ты начала во время экзаменов, – ехидно ухмыльнувшись, напомнил я. – Я рад за тебя, Мотылёк. И ужасно счастлив. Может, пришлешь мелких ко мне на каникулы? Я ужасно соскучился. По тебе, по ним, даже по Даккею.

– У меня будет несколько свободных дней перед экзаменами, – ответила Бренди, счастливо улыбувшись. – Я поговорю с Аланом. Думаю, ему понравится эта идея... Но пока к тебе придет лишь Агава Пханги. Оформить для неё запрос на практику?

И вот теперь Джона Доил стоял передо мной, сверлил меня недовольным взглядом, словно я и в самом деле был в чём-то перед ним виноват. Что он там сказал? Что Кузнечик Пханги приехала сюда для того, чтобы выйти за меня замуж? Изумительная чушь...

– Вы просто не знаете, какая она упрямая! – вспыхнул Джона. – Если она что-то вобьёт себе в голову... Она уже и план составила... Проклятье!

В отчаянии он обхватил голову руками и глянул на меня с мрачной решимостью.

– И что ты предлагаешь?

– Вам нужно уехать, – выпалил Джона. Подлец, судя по всему, уже успел составить план действий, который предполагал моё изгнание из собственного дома. – Не потакайте ей, не улыбайтесь, не...

Он сжал кулаки и на мгновение прикрыл глаза, словно готовился подставить шею под топор палача.

– И если до конца своей практики она не передумает, – проговорил он мёртвым голосом, – я уступлю её вам, конечно.

Упаси меня и магия, и Предки от такого счастья! Хотя Агава невероятно хороша! Этакая спелая ягодка, от которой не каждый захочет отказаться, я даже на короткий миг задумался. А почему, собственно, нет? Родители давно намекают, что мне пора остепениться, найти себе порядочную жену, нарожать детишек.

Но не за счёт чужого счастья.

Если бы я женился на каждой симпатичной мордашке, что появлялась на моём пути, то сейчас бы уже был обладателем гарема. Нет. Если уж и сунуть руку в венчальную чашу, то только вместе с той, которая...

– Мэтр? Так я могу надеяться на вашу помощь?

Я вздохнул.

– Можешь. Сегодня же уеду в Фархес. По невероятно срочным и самым неотложным делам.

Невероятно важным! Магдалена, моя давняя и самая верная любовница, вот уже который месяц грозит заменить меня на кого-то более щедрого, если я не вывезу её хотя бы на пару дней куда-то, где температура воздуха и воды позволяет купаться без риска получить инфлюэнцу.

Что ж? Я и сам не прочь отдохнуть от здешних холодов.

Но это не значит, что разные сопляки будут выставлять мне ультиматумы. Поэтому я встал, вышел из-за стола, подошёл к настенному переговорному зеркалу – отец подарил мне его на пятнадцатый или четырнадцатый день рождения, не помню точно, надо будет у Брендзи уточнить, поправил булавку на безупречно застёгнутом галстуке и с видимым раздражением уточнил:

– Только ты уж, друг мой, будь любезен сделать так, чтобы по истечении месяца тебе не пришлось никого мне уступать. Я пока не готов стать чьим-то мужем.

Джона принёс мне торжественную клятву, разве что не на крови, и я следующим же утром уехал в Фархес.

Погода для местной весны была просто замечательная. Ледяные порывы ветра не норовили сбросить с коня, дождь не хлестал ни в лицо, ни в спину, снег почти весь растаял и, несмотря на то, что ночной мороз основательно прихватил до безобразия разбитый тракт, Малыш уверенно переступал ногами, так как гололёда тоже не было.

Так что назвать ненастьем свинцовое небо и сырость у меня язык не поворачивался. К тому же, в отличие от новобранцев и рекрутов, которые только и делали, что ныли по поводу лёгкого дождика, я знал, каким знойным и красочным в этих краях бывает лето, сколько рыбы можно выудить на Русалочьем озере зимой, какие грибы приносят из здешних лесов аборигены осенью, и... Но весна в здешних краях поганая, хоть и ненастной её не назовёшь.

Словно в подтверждение моим мыслям где-то посреди облезлого проталинами поля начал отчаянно каркать грач.

Поёжившись, я поглубже натянул капюшон. Столько лет прошло, а я до сих пор вздрагиваю, услышав голос этой птицы. Любой ветеран, вернувшийся с Предела, вам скажет, что они лучше некромантов чувствуют нежить, а уж если начнут собираться в одном месте да кружить беспорядочной толпой, и к гадалке не ходи – демоны прорыв устроят или ещё какую подлянку соорудят.

Помню, в отряде у нас был Мартин Бэк, старик совсем уже, но с Предела отчего-то уходить не спешил, хотя дольше срока там мало кто задерживался. Хотя, кто знает, может, ему некуда и не к кому было возвращаться. Так вот, этот Мартин страшно птиц любил. Командир гарнизона ему даже целую башню выделил.

– Под грачей, – велел он.

Ну, а Мартин там кого только не держал! Про каждую пичугу мог часами рассказывать, где гнездятся, что едят, как птенцов летать учат... А когда на гарнизон демоны напали, да не парочка, как обычно, а с полсотни, всё от башни отступить отказывался, хотя приказ был чёткий отдан.

Ну а когда мы крепость спустя сутки назад отбили, от Грачиной башни только руины остались, а птицы все разлетелись. Наши думали, что Мартина камнями завалило, но нашли его в поле, за крепостной стеной. В компании белоголовых сипов.

Увидев, как эти огромные птицы дерутся из-за потрохов погибшего мага, я к демонам заблевал все окрестности, а когда пришёл в себя, рука сама потянулась к арбалету, но командир остановил.

– Не смей, – сказал он. – Всю жизнь старый Бэк птиц любил. Скажи ему кто, что после смерти его кишками эти птахи лакомиться будут, всему гарнизону мозг бы выел рассказами о том, как они своим птенцам в клювики срыгивают...

Сипов мы, конечно, отогнали, а останки Мартина Бэка сожгли, как и было положено по уставу, а так как урну с пеплом отправлять было некуда, соорудили на месте Грачиной башни мемориал: здоровенный столб с колесом от телеги наверху. И уже через неделю в нём появились первые жильцы. Дело-то весной было. Говорят, там до сих пор аисты гнездятся.

Короче, в Фархес я приехал в самом гнуснейшем настроении. Оставил Малыша на общественной конюшне – у меня там прикормленный конюх был, смотрел за ним, как за родным, – а сам решил прогуляться пешком, надеясь по дороге развеять вызванную тяжкими воспоминаниями тоску, чему мало способствовали развешенные по всему городу траурные знамёна и флаги.

Память услужливо подсказала мне, что город плакал не по бургомистру – старый мошенник обладал отменным здоровьем, – а отдавал последнюю дань мастеру Клариусу Тугу, знаменитому зодчему, который немало дворцов и замков на своём веку возвёл.

Впрочем, лично я с этим стариком знаком не был, слышал кое-что от местных сплетников, да на занятиях по истории Империи о нём рассказывали, да, убей Предки, уже не помню, что именно.

Я стоял напротив мемориальной доски, в которой говорилось, что много-много лет назад именно в этом доме родился Клариус Туг. В Фархесе таких табличек было штук двадцать, а сам мастер, говорят, только посмеивался и наотрез отказывался говорить, где именно родился. Наставник по истории Империи утверждал, что в какой-то дыре. Может, и не в Фархесе вовсе. Разве мало вокруг него деревенок? Только моему замку больше сотни принадлежит, что уж говорить о всём северном крае...

– Мэтр Алларэй! – отвлёл меня от чтения приятный женский голос, и я оглянулся. – Как же так, вы в Фархесе, а мы об этом ничего не знаем! Я почти готова обидеться на вас.

Леди Персефона Уолш – жена бургомистра – обе её дочери, супруга эра Бирна и ещё две местные кумушки, которых я точно видел ранее, но не запомнил имён.

– Леди Уолш. – Я торопливо исправил кислую рожу на максимально приветливый оскал и, приподняв шляпу, почтительно склонил голову. – Дамы. И вы, юные создание. Солнце меркнет на фоне вашей красоты.

Юные создания и вправду были хороши. Свежие блондинки с кукольными личиками и сочными фигурками. Губки бантиком, реснички, непрременный румянец и аппетитные полушария, выступающие из обязательного по моде декольте. Действительно аппетитные, от одного взгляда рот слюной наполнялся.

Женщин такого типа в гарнизоне страшно любили, часто украшали их портретами стены мужских уборных и спален. Беда лишь в том, что с теми, бумажными, как и с этими, живыми, совершенно не о чем было поговорить.

– Какое счастье, что вы передумали! Патрик ещё только утром уверял меня, что вы не приедете! – удивлённо округлив глаза, охнула леди Уолш, а её дочери заалели нежными щёчками, не забыв исподтишка расстрелять меня томными взглядами.

Ох, видела бы эти взгляды матушка, с живого бы с меня не слезла. Всё же хорошо, что родители не любят надолго уезжать из Хижины.

– Сегодня в ратуше благотворительный концерт в память безвременно скончавшегося мастера Туга, – напомнила супруга бургомистра, и я мысленно проклял Джону, из-за которого был вынужден покинуть замок. – А после концерта званый ужин в нашем доме. – На который меня звали, и от которого я отказался по надуманным причинам, вспомнить бы ещё, по каким именно. – На вырученные деньги благотворительный комитет собирается поставить памятник великому мастеру.

– Или присвоить его имя новым купальням, – внезапно перебила леди Уолш одна из её приятельниц. – Перси, милая, не забывай, что в благотворительном комитете, кроме тебя, есть и другие дамы.

– Ох, Лотта! Не будь пошлой! – скривила губы супруга эра Бирна. – Вечно ты с какой-нибудь ерундой. Я ещё не забыла, как ты вчера на собрании защищала эту гулящую девку...

– Не при девочках! – грозно рыкнула леди Уолш. – Да и Мэтру Алларэю наши внутренние дразги неинтересны... Он приехал на концерт. Развлечься, отдохнуть, потанцевать с юными красотками.

Красотки вспыхнули, как маков цвет, и я поторопился разочаровать лучших женщин Фархеса:

– Боюсь, дамы, я в городе по делам иного характера. – Интимного. – И, как мне ни жаль, времени посетить ваш... э... праздник?.. у меня не найдётся.

К тому же Магдалена не простит, если я пойду на концерт без неё, а местные клуши не позволят привести на благотворительное мероприятие любовницу.

– Но как же так, Мэтр!? – Леди Персефона не была бы собой, если бы не предприняла вторую попытку. – Вы так давно не были у нас. Александра за это время успела разучить прекрасные куплеты о защитниках Предела, а Лизонька вышла для вас кiset...

– Речным жемчугом, – тихим эхом отозвалась Лизонька, задрожав губами и ресницами.

В жизни папиросы во рту не держал, а от жевательного табака откровенно воротит, даже больше, чем от куплетов на военную тему. Вот забавно, вернувшиеся с Предела люди песен об этом не поют, да стихов не слагают. Я вообще те годы хотел забыть, как страшный сон, да постоянно находятся овцы, которые не дают этого сделать.

– Мне очень приятно, – ответил я, в очередной раз напоминая себе, что ссориться с бургомистром мне не с руки. – Даже лестно! Но... никак!

С трудом отбилась, и к домику, который я купил для Магладены, перебирался задворками, опасаясь напороться на кого-нибудь похуже местных сплетниц. На бургомистра, например.

У уличной торговки, что стояла на перекрёстке главного проспекта с нужной мне улицей, купил корзину пушистой, яркой, как солнце, мимозы, и к тому времени, когда на улицах уже основательно удлиннились тени, но фонари ещё не успели загореться, дёрнул за шнурок дверного звонка, предвкушая, как обрадуется моему визиту Магдалена.

Дверь открыла горничная Джейн – неулыбчивая дородная дама, на которой тёмно-синее форменное платье с белоснежным передником и чепчиком смотрелось, как седло на корове.

– Добрый вечер, господин! – глубоким, пожалуй, даже красивым голосом поприветствовала она, замерев на пороге неподвижной статуей.

– Хозяйка дома, я полагаю? – спросил я, осторожно толкая женщину корзинкой с цветами. – Только что приехала или уезжает? Я видел её коляску, а мы оба знаем, как сильно Магдалена не любит гулять пешком.

Увы, но под понятием «гулять» моя любовница подразумевала красивое платье, модную причёску (как правило, это была стрижка), шляпку, сапожки, один из сотни ридикюлей, что хранились в её гардеробной, и обязательный выезд в «парк». Именно так дамы фархесского высшего общества называли лес, нависавший над окраинами города пусть и не очень пугающей, но весьма тёмной стеной.

Целью своих прогулок Магдалена всегда ставила веселье. Оно обычно заключалось в том, чтобы довести местных кумушек до белого каления. Неважно чем: смелостью взглядов, ошеломляющей наглостью, умением управляться с коляской без помощи кучера, но чаще всего тем, что о веяниях столичной моды Магдалена неизменно узнавала раньше всех.

В итоге, надо сказать, довольными оставались обе стороны: и Магдалена, которой снова удалось вывести из себя леди Уолш, и леди Уолш, сумевшая подсмотреть крой нового платья моей любовницы. Впрочем, наши отношения мы не афишировали. Узнай леди Уолш о том, на чьи деньги с такой изумительной регулярностью бесит её «эта деревенская выскочка», разросся бы невероятный скандал, не суливший мне ничего хорошего. Однако на том, чтобы скрываться ото всех, настояла Магдалена. Стыдно признаться, но только этим вечером до меня дошло, зачем её это было нужно. Да, ей! Ибо о себе и о своём комфорте эта женщина всегда думала в первую очередь. Я бы даже мог сказать, что именно за это её и любил, но слово на букву «л» мы изначально вычеркнули из нашего совместного лексикона.

– Хозяйка, дома. – Горничная всё же соизволила впустить меня внутрь. – Но мы не ждали вас сегодня, господин.

Я вскинул бровь. Не то чтобы ревность присутствовала в наших с Магдаленой отношениях, но заставить у любовницы другого мужчину – это не то переживание, которое мне хотелось бы испытать на собственной шкуре.

– Она не одна?

– Одна. Госпожа в спальне. Одевается. Прошу ваш плащ, мэтр Алларэй.

Одевается? Я непроизвольно глянул на настенные часы? В такое время? Всё-таки я надеялся, что Магда не уезжает, а вернулась. Во имя Предков! Я половину дня провёл в седле! Неужели снова придётся куда-то тащиться?

Отдав Джейн свой плащ, я стремительно поднялся на второй этаж, где находились будуар, спальня и гардеробная моей любовницы.

– Магда? – позвал, шагнув на пушистый ковёр коридора. – Где ты?

– Бред? – она вышла из будуара. Вид у неё был то ли испуганный, то ли встревоженный. – Ты? Не ждала.

Короткие светлые волосы Магдалена уложила в такую сложную причёску, что на мгновение мне показалось, будто женщина нарушила своё собственное глупое правило и обратилась к магическому цирюльнику. Голубое платье без рукавов было гораздо скромнее её обычных, а обнажённые плечи укрывала серебристая шаль с длинными чёрными кистями, руки затянuty в лайковые перчатки.

– А по виду не скажешь: выглядишь очень аппетитно! – Я улыбнулся, вручил корзинку с ветками мимозы и поцеловал воздух возле припудренной щеки, отмечая, что макияж, хоть и не очень яркий, но определённо не домашний. – И напомни мне. Разве ждать меня постоянно, да ещё и в хорошем настроении, не является твоей прямой обязанностью?

– Я не шучу, мой милый. – Магдалена повернулась, чтобы вернуться в комнату, и я с готовностью последовал за ней. – Можешь остаться, если хочешь, но прямо сейчас я никак не могу уделить тебе время.

– Предки, ты такая невозможно серьёзная! – развеселился я. – Чем-то похожа на наставницу из Института благородных девиц. Я не возражаю. Ты просто невероятно хороша сегодня! Но позволь узнать, куда ты всё же собралась?

– На благотворительный вечер, конечно. Сначала концерт, затем ужин в доме бургомистра.

Мы вошли в будуар. Магдалена неловко пристроила корзинку на комод и замерла у догорающего камина, обхватив себя за плечи, а я упал на низкий, заваленный мелкими подушечками диван, искренне хохоча.

– Магда, мы столько лет знакомы, но ты не перестаёшь меня удивлять... Ты ведь сейчас не шутишь? Нет?

Она покачала головой.

– И кто он?

– Вы незнакомы. – она совершенно неожиданно смутилась и отвела взгляд. – Юджин недавно приехал. Он маг-инженер из ЦИПа и здесь по контракту на три месяца...

– Но уже успел сделать тебе предложение?

Магда кивнула.

– И ты согласилась. – Я не спрашивал, но она снова качнула головой, выражая согласие. Выдохнул с шумом, не зная, что и сказать... Я не чувствовал гнева, да и сердиться мне было не на что, разве что самому на себя досадовать из-за того, что снова остаюсь один. А до начала сезона, вместе с которым в Фархес приезжают в поисках приключений очаровательные искательницы приключений, ещё как минимум два месяца.

Если повезёт.

– Иди ко мне, – я похлопал по сидению дивана рядом с собой. – Расскажи о нём.

– Платье помню, – отказалась Магдалена и неуверенно вскинула ресницы, вмиг превратившись из нагловатой соблазнительницы, роль которой она играла со дня нашего знакомства и до сего момента, в испуганную провинциальную девчонку. А ведь она старше меня почти на пять лет. – Бред, ты злишься? Да? Обижаешься на меня?

– Ох, уж это платье... – Я поднялся с диванчика и сам подошёл к тревожно всматривающейся в моё лицо женщине. Обнял. – Тебе, кстати, очень к лицу.

– Правда?

– Навероятно. Невинная и соблазнительная одновременно. Лучший из коктейлей. Кстати, о коктейлях... Не знал, что ты мечтаешь о замужестве.

– Глупый! – она рассмеялась, с облегчением принимая мои объятия и осторожно, чтобы не повредить причёске, прижала голову к моему плечу. – Каждая женщина мечтает об этом. Правда, не каждая в этом признается.

– А я хотел тебя на море свозить. Погреться, поплавать денёк или два. Ты любишь его?

– Море? – Я легонько пощекотал её между рёбрами, и она взвизгнула, отстраняясь. – Важно, что он меня любит. И у него особняк в пригороде столицы. Представляешь, я в коляске, запряжённой белоснежной лошадкой еду по дорожкам Императорского парка! Не по нашему лесу, где поздней осенью без тягача не обойтись, а по гладкой, как галька, брусчатке! Тёплое солнышко, голубое небо, птички поют и эти, как их? Фигуры из кустов...

– Топиары?

– Да, они. Наши кумушки повесятся от зависти.

Я снова рассмеялся. Удивительное дело! Меня только что любовница бросила, а я веселюсь, как мальчишка, впервые попавший на праздничную ярмарку.

– Магда, не хочу тебя расстраивать, но в столице ужасно холодные зимы. Ни птичек, ни солнышка, а топиары без листьев выглядят жалко и безобразно.

– Зануда, – попеняла мне она, но вопреки своим словам поцеловала в щёку. – Мне пора выезжать. Генри, поди, уже заложил коляску.

– Заложил, – проворчал я, вспомнив, что точно, коляска уже стояла у подъезда, когда я подошёл. – Разве твой Юджин не заедет за тобой?

– Не ревнуй. Это я заеду за ним, чтобы забрать из ЦИПа. Ему нужно было утрясти кое-какие вопросы в столице. Дождёшься меня?

– А виски есть?

– Только ликёр из шиповника. Юджин считает, что одинокая девушка не должна держать в доме крепких напитков.

– О, магия!

– Даже если этой девушке сорок лет в обед.

За эту фразу я смачно хлопнул дурочку по ягодице, наплевав, что любовница у меня уже бывшая, и велел:

– Катись на свой благотворительный вечер, но только жениха домой не привози. Я на твою спальню не претендую, но, если мне не изменяет память, в этом доме где-то была комната для гостей. Запрись там и с горя напьюсь ликёром из шиповника. Одинокий, всеми брошенный, холодный, голодный горемыка...

Магдалена звонко захохотала, а я зарычал.

– Не смейся, жестокая женщина! Меня выставили из собственного дома и велели не появляться до середины следующего месяца!

Мы вышли в коридор и медленно спустились по лестнице.

– До середины следующего месяца? – странно улыбнувшись, переспросила она. – Забавное совпадение.

– Совпадение? – Джейн сунулась, чтобы подать госпоже пальто, но я остановил её взмахом руки и сам опустил на обнажённые женские плечи мягкую ткань. – О чём ты?

– Сейчас нет времени рассказывать. Дождись меня обязательно! Расскажешь, кто тебя выставил, а я поделюсь кое-какими мыслями.

– Какими мыслями?

– Всё пото-ом! – пропела она, клюнула меня в щёку и, придерживая рукой подол длинной юбки, не подошла – подлетела к коляске. Я даже позавидовал этому Юджину. Вокруг меня она так не порхала. Завидовал, впрочем, я не очень долго, почти сразу вернулся в дом и тут же обратился к горничной.

– Джейн, скажи-ка мне, а правда ли, что в доме нет нормальной выпивки?..

Она замялась на секунду, словно не могла решиться открыть мне какую-то тайну, но всё же ответила:

– Генри перед сном любит пропустить стопочку. Но вряд ли господину понравится то, что он пьёт.

– Господину понравится всё, что имеет приличный градус и не сделано из шиповника. Неси. И скажи Генри, что я щедро оплачу угощение.

– Слушаюсь, Мэтр Алларэй.

– Я буду в кабинете.

– Конечно.

– И, Джейн!

– Да?

– Я бы поужинал.

– Посмотрю, что осталось на кухне, – кивнула она. Золотая женщина! Понятливая, верная, лишних вопросов не задаёт, в мою спальню подкопы не роет... Не будь она так предана Магде, забрал бы её себе!

К ужину мне подали холодную копчёную утку, кусок пирога с почками и половину графина того самого пойла от Генри.

– Виски для господина, – проворчал он, вручая мне этот напиток богов с таким видом, словно отдавал своё единственное сокровище.

– Генри, дружище, не стоит корчить такие трагические рожи, – ухмыльнулся я. – Тебе не идёт. Я завтра же распоряжусь прислать тебе взамен этого... – Тряхнул посудиной, удобно перехватив её за горлышко, – целый бочонок.

Генри зыркнул из-под мохнатых бровей и уныло согласился:

– Как господину будет угодно.

– Именно так. Ступай.

Старый слуга, доставшийся мне вместе с домом, ушёл, а я отыскал в осиротевшем баре – Магдалена и в самом деле избавилась от всех напитков, оставив лишь бутылочку домашнего ликёра, – пузатый стакан для виски, и вынул из графина пробку. И тут же комнату заполнила совершенно невероятная вонь. За те семь секунд, которые я потратил на то, чтобы открыть окно, мой нос успел различить нотки потного тела, грязных носков, стойкого перегара и, пожалуй, даже кошачьей мочи.

Вернув пробку в горлышко графина, я негромко рассмеялся. Да уж, погорячился ты, Бред, заверяя Джейн, что согласен на всё, лишь бы только не ликёр из шиповника...

Проветрив комнату, я растопил камин, подтащил кресло поближе к огню и, взяв одну из книг, что сам в этом доме и оставил, с головой окунулся в историю рыцаря Северина, совершившего ряд подвигов, спасая прекрасных дам от драконов и прославляя имя своего короля. С детства люблю приключенческие романы.

Магдалена вернулась вскоре после одиннадцати. Счастливая, взъерошенная, помолодевшая лет на десять. Я и до этого-то был рад за неё, а сейчас окончательно убедился, что за её показным цинизмом и нарочитой грубостью, с которой она говорила о своих чувствах к состоятельному жениху, точнее к состоянию его кошелька, скрывалось что-то гораздо более глубокое.

– Ликёр пьёшь? – впорхнув в кабинет, прощebetала она. – Оставь его Юджину. Я уволокла с ужина бутылку отменного шампанского и портвейн. – Потрясла перед моим носом миниатюрным ридикулем, где, как я полагаю, было магическое дно. – Сейчас переоденусь в домашнее и вернусь. Не начинай без меня.

Свой выбор я остановил на портвейне. Рыжевато-коричневый напиток загадочно искрился в моём бокале, переливаясь всеми оттенками золотого, и кружил голову терпким ароматом.

– Не дождался меня! – проворчала Магда, падая во второе кресло, которое я также придвинул поближе к огню.

– Ни глотка не сделал, – ответил я, отставляя свой бокал, к которому я и в самом деле не прикоснулся. – Тебе налить?

– Лучше шампанского. У бургомистра сегодня весь город собрался. Видел бы ты, с какой физиономией нас с Юджином встретила леди Персефона. А уж когда мой жених объявил о своих намерениях... – Она звонко рассмеялась. – Предками клянусь, давно я так не веселилась! Впрочем, я не об этом хотела поговорить.

Внезапно Магдалена подалась вперёд и ласково провела рукой по моей скуле. И я тут же встревожился.

– Магда, у тебя всё хорошо?

- У меня всё *будет* хорошо, – заверила она и добавила с задумчивым видом:
- Когда я удостоверюсь, что ты попал в надёжные руки.
- Ты о чём, прости?
- О новой любовнице! Ты же ведь совершенно не разбираешься в женщинах!

Я в этом вопросе придерживался несколько иного, скажем прямо, даже противоположного мнения, и именно поэтому спорить с Магдаленой не стал. Уж кому, как не мне, знать, что если эта женщина что-то вбила себе в голову, то от своего ни за что не отступится.

– Найдёшь себе какую-нибудь вертихвостку, и она обязательно ославит тебя на всю Империю, – продолжила Магда. – Помнишь скандал вокруг Виктора Ронсли? А Урбан Тик? А бедняга Томас Данн? Его любовница даже дагеротипы в газетный листок продала!

Все перечисленные Магдой мужи были членами правительства. И Лаклан Освободитель после череды скандалов, обрушившихся на столицу в прошлом году (честное слово, прямо эпидемия какая-то была), устроил грандиозную чистку. Его величество всегда был сторонником семейных ценностей и традиций, а уж после того, как мужа его средней дочери поймали в спальне одной из фрейлин, на тему прелюбодеяния при нём даже шутить, нет, даже думать запрещалось!

Страшно сказать, он хотел даже бордели закрыть, чего не случилось даже четыреста лет назад, когда на Аспонском троне сидел Иероним Безгрешный.

Так что в чём-то Магдалена была права. В опалу в случае скандала меня не отправят, и с должности не сместят, а вот на близких отыграться вполне могут. А у меня всё-таки зять на императорской службе, и сестра в БИА лекции читает... Поэтому осторожность превыше всего!

– Нет, Бред, что ни говори, а нынешняя молодежь какая-то беспринципная, совершенно никому нельзя верить, – делилась своими мыслями Магдалена. – Особенно молодёжь столичная. Слышал про Салливана Туга?

– А что с ним? – Я нахмурился, пытаюсь сообразить, о ком именно говорит моя приятельница. – Он имеет какое-то отношение к мастеру Тугу?

– Имеет. Налей мне ещё шампанского, будь добр. Благодарю. Салливан – один из наследников мастера Туга. Его правнук, если быть более точной. Основное-то имущество у нашего старика в столице было. Говорят, там речь не о тысячах, о миллионах идёт. Сыновей у него двое, внуков несколько. Один, вроде как, даже был замечен среди императорских стряпчих, а туда абы кого, сам знаешь, не берут... Но знаешь, как говорят, в семье не без урода. У Тугов этим гнилым яблочком оказался Салливан. Правнук нашего мастера. Несколько лет назад он из Кадетского корпуса со страшным скандалом вылетел. Никто толком не знает, что там случилось, но, говорят, будто он кого-то ограбил. Вроде даже женщину, жену директора корпуса. Но, может, врут. Так или иначе, дело замяли, а самого паршивца на задворки Империи отправили. Подальше от глаз Его величества.

Она прервала рассказ, чтобы сделать глоток шампанского, а я не смог удержаться от насмешки:

– Магда, во имя Предков! Откуда ты всё это знаешь? Никогда не думал, что ты любительница сплетен.

– Балбес! – Она шутя стукнула меня ладошкой по коленке. – Я просто регулярно читаю светскую колонку в местном газетном листке и не гнушаюсь «Имперским вестником»... На чём я остановилась? А! Вспомнила! Скандал! Салливан даже в Фархесе сумел встрять в историю. Судится из-за наследства с местной булочницей. Ему дед полгорода оставил, а он упёрся, как баран, в дом, который старик на эту девицу переписал... Мадейлин Тауни. Слышал, может? Сплетни о ней по городу ходят разные. Одни говорят, что она у мастера не только кофейню в аренду снимала, но и половину спальни заодно. Хотя вряд ли старик, в его годы-то, был

способен на что-то большее, чем похотливые взгляды... Я лично думаю, что она как раз с правнуком роман крутила. И не кривись, об этом даже в газетном листке писали.

– Мусор это, а не листок, – проворчал я, – если в нём чужое нижнее бельё полощут.

– Может и мусор, – легко согласилась Магдалена. – Но людям нравится. И я не стану их за это осуждать. В нашей провинции любой скандал развлечение, а уж любовный – предел мечтаний. Понимаешь?

– Нет. – Я отставил бокал и потянулся, разминая плечи. – С Мадейлин Тауни я немного знаком. Она нам выпечку на кухню поставляет. Хорошая девушка. Приятная.

– Да? – Магда глянула, как мне показалось, с торжеством. Ну, или меня накрыло портвейном после ликёра из шиповника. – Ты в самом деле так считаешь?

Я кивнул.

– Тогда, несомненно, не откажешься ей помочь! – Мечтательно закатила глаза. – Малыш, это будет такая романтическая история! Ты спасёшь эту прекрасную булочницу, и она уже не сможет тебе отказать. И точно никогда не предаст. Идеальная любовница! Даже лучше, чем я.

– Хватит! – Портвейн внезапно начал горчить. – Заканчивай это, Магда, или мы поссоримся. Ты серьёзно думаешь, что я способен принять от женщины плату подобного рода?!

Она просительно сложила руки перед грудью и взмахнула ресницами.

– Милый, но как ты не понимаешь, это же так романти-и-ично!

– Это гнусно! – процедил я. – И то, что ты этого не понимаешь, безмерно разочаровывает!

Она надулась и отвернулась к огню.

– Что с тобой, Магда? Я не узнаю тебя.

Обиженно пожала плечом.

– Ну, раз мой идеальный план тебе не по нраву, тогда помоги девчонке просто так. Из доброты душевной. А то ведь её дела лишили, из дому выгнали, ославили на всю провинцию, уж и не знаю, заслуженно или нет... А тебе ведь всё равно делать нечего. Сам сказал, что на месяц из замка уехал. Поможешь?

И глянула на меня из-под ресниц, а я снова заметил в её взгляде что-то этакое... Странное что-то. И совершенно некстати вспомнил маменьку.

– Помогу.

Магда захлопала в ладоши и, забыв про обиды, защebetала:

– Ой, ну какой же ты всё-таки замечательный, малыш! Как повезёт той женщине, которой ты в конце концов достанешься! Не рычи! Я гипотетически!.. У тебя на утро есть какие-то планы? Что, я глупости спрашиваю? Нет, конечно! Тогда навестим одну мою приятельницу... Леди Шарлотту Нейди-Остин. На самом деле, я с её дочерью дружу, а не с ней. Анна. Помнишь? Жена ювелира?..

– Магда, уймись! У меня сейчас голова лопнет.

– Прости! – Снова рассмеялась она. – Мадди уже третий день у них в доме живёт. Ждёт разрешения суда, чтобы забрать из дома и лавки личные вещи. Ну... В общем, она сама тебе завтра обо всём расскажет!..

Мы просидели у камина до часу ночи и только потом разошлись по спальням, и уже под одеялом я внезапно поймал себя на мысли, что чувствуя себя одуроченным. Но с чем было связано это ощущение, разобраться не успел – уснул.

Глава 3. Клюква в сахарной пудре, радости и гадости

Клюква в сахаре – весьма своеобразный десерт, сочетающий и кислую горечь, и сладость. В отличие от многих других, весьма полезный, и обладающий целебными свойствами. В то утро я занималась именно им.

Маменька ещё с вечера перебрала заказанные из столицы ягоды – у нас их днём с огнём не сыскать. Мелкие и некрасивые пойдут на соус для птицы, а крупные ровные шарики я планировала сначала окунуть во взбитые белки, затем обкатать в сахарной пудре и, наконец, разложить по заранее приготовленным коробочкам.

Сегодня я собиралась навестить в Фархес, чтобы поговорить с судьёй, и заодно напомнить о себе постоянным покупателям. Небольшой полезный десерт будет отличным знаком внимания. Выражением благодарности за то, что они не отвернулись от меня в этот сложный период.

И дело не в судебном разбирательстве. Ну, правда, фархесский суд завален исками по самую крышу, если вокруг каждого танцы с бубном устраивать, то это не жизнь получится, а цирк с конями и клоунами.

Нет, никому никакого дела не было бы до того, что и кому мастер Туг оставил в наследство, не выступи его правнук с заявлением в местном газетном листке.

Подлец в красках вещал о том, какая я распутная девка. Что это я своим похабным поведением вогнала старика в гроб, что я и ему – Салливану – делала непристойные предложения, но он, человек глубоко нравственный и принципиальный, конечно же, отказался.

Представляю, что началось в Фархесе, когда этот пасквиль вышел в свет! Наших кумушек ведь хлебом не корми, дай посплетничать, а тут такая благодатная почва.

Под маской овцы скрывался лев!

То есть, я.

Мало мне было владеть самой успешной кофейней в городе, так я теперь ещё и богачкой стану? Шутка ли – целый дом на центральной площади! Да в сезон, сдавая жильё в аренду отдыхающим, только на этом можно озолотиться!

Персефона Уолш мне даже письмо прислала на Предельную: несколько строчек на дорогой белоснежной бумаге, в которых она взывает к моей совести и предлагает покаяться, отказаться от наследства в пользу города и навсегда уехать из Фархеса. «Жители нашего города превыше всего ценят семью. Распутницам и потаскухам здесь не рады. Взываю к вашему разуму. Вы должны понимать, что после всего случившегося ни одна уважающая себя дама не купит у вас ни крошки».

Я не знала, злиться мне или плакать. Всё, к чему я шла много лет, рушилось на глазах. Маменька требовала подать на Салливана Туга в суд за клевету, но я отказалась.

– Всё равно мы этим ничего не добьёмся. Сейчас грязь льют только на меня, но если я пойду в суд, достанется и тебе с девочками. Не дай Предки, кто-нибудь узнает о твоей бурной юности, тогда точно пиши пропало.

Мама вздыхала и прижимала кружевной платочек к покрасневшим от слёз глазам, а я принялась считать убытки, которые понесу в результате скандала, устроенного Салливаном Тугом. И поначалу всё указывало на то, что они будут нешуточными!

Я разослала письма всем постоянным клиентам, сообщая, что не прекращаю работу, и все заказы будут доставляться на дом. Но ответ получила только от нескольких человек, да от замкового повара. Ну и Шарлотта Нейди-Остин. Она даже на Предельную приехала, посмотреть, как я устроилась, да своих любимых пирогов купить.

А потом народ будто с ума сошёл! Настоящее паломничество началось! Не все, конечно, за моими пирожными приезжали, многие просто поглазеть хотели на «гулящую девку, погу-

бившую мастера Туга», но это не отменяло того факта, что в матушкиной таверне с утра до ночи камню негде было упасть.

На кухне не затухал очаг, скворчали сковородки, супы варились в огромных чанах, а в печи не было места для моих десертов, потому что они были заняты хлебами и мясом.

Нет, выручка-то взлетела до небес – у матушки. А мне настала пора задуматься о будущем и попытаться наладить собственную жизнь.

Сплетни и скандалы – всё это гнусность, конечно, но не повод опускать руки. И для начала я хотела поговорить с судьёй. Если он позволит мне забрать личные вещи и оборудование, я смогла бы как-то дотянуть до судебного разбирательства.

Эти мысли меня так воодушевили, что я прямо-таки летала по сумеречной кухне в маменькином трактире. Чтобы успеть приготовить десерт, я встала засветло, и к рассвету закончила со всеми делами. Переоделась в дорожное платье, упаковала саквояж и, простившись с родными, заторопилась на почтовый дирижабль. Пассажиров капитан Дрозер брал редко, но мне никогда не отказывал. Сёстры хихикали, утверждая, что старый вояка в меня влюблён, а я точно знала, что по-настоящему сильные чувства он испытывал не ко мне, а к моим чесночным пышкам.

Но до станции дойти я не успела, наткнувшись метрах в двадцати от нашего дома на человека, из-за которого когда-то была вынуждена покинуть столицу.

Роберт Суини был представительным мужчиной, высоким, сильным, наверное, даже симпатичным. У него были длинные тёмные волосы, которые он собирал в низкий хвост, тонкие усики, правильные черты лица. Одевался он по последней моде, и я не раз видела, как томно смотрят ему вслед посетительницы мясной лавки его отца, где я работала помощницей, а он – счетоводом. Восемь лет назад, когда мы познакомились, ему исполнилось сорок.

Учитывая, что он был старше моей мамы, фраза «в отца годился» подходила к ситуации как нельзя лучше. Мне было пятнадцать, я была тощей, облезлой, как мокрая курица, и вечно мёрзла. Однако мужчину это совершенно не смущало.

В первый раз он поймал меня, когда я задержалась в лавке после закрытия. Дедушка Суини уже ушёл домой, а я осталась, чтобы всё убраться. Я почти закончила, когда из тёмного угла внезапно раздался голос:

– Самое смешное, что ты не понимаешь, насколько хороша.

Я вскрикнула и то ли от испуга, то ли от неожиданности, выронила швабру.

– Кто здесь?

– Всего лишь я, – отозвался Роберт и шагнул в пятно света. Во взгляде безумие, а руки сжаты в кулаки. – Ты сводишь меня с ума.

– Господин Роберт?.. – Я попятилась, не сводя с мужчины перепуганного взгляда. Я, может, и была юна, но не наивна.

– Роберт, – решительно исправил меня он. – Называй меня по имени, малышка.

Он резко выбросил вперёд руку и схватил меня за плечо, притянул к себе.

– Маленькая моя... – Его лицо приблизилось к моему, и я отвернулась, чтобы не допустить соприкосновения наших губ.

– Отпустите!

Он не отпустил. Впился губами в мою шею. Целовал жадно и болезненно, непрестанно при этом бормоча:

– Как же сильно я тебя хочу! Никогда... никого... только ты! Такая сладкая, такая...

Я задыхалась, трепыхаясь в его руках, как выброшенная на берег рыба, кажется, даже кричала. Плакала. И в какой-то момент всё же сумела вырваться и, забыв о верхней одежде, бросилась прочь.

Роберт догнал меня на улице, снова схватил, но в этот раз я впила зубами в его запястье, и он, зашипев от боли, оттолкнул меня с такой силой, что я пролетела пару метров до стены бли-

жайшего здания, приложившись затылком о каменную кладку. От удара перед глазами потемнело, а во рту стало солоно от крови, ноги подкосились, но упасть на мостовую мне не позволили мужские руки.

Роберт подхватил меня, бережно прижал к груди и снова начал целовать лицо.

– Прости, прости, прости меня, маленькая! – бормотал он, словно безумец. – Я виноват! Я не хотел! Зачем ты бежишь от меня! Не видишь разве?

– Отпусти, – прохрипела я. – Мне плохо. Меня тошнит.

Не отпустил. Нёс на руках до Цветочной улицы, потом врал маменьке, как я упала с лестницы, целителя вызвал...

Я была так напугана, что, несмотря ни на что, решила не возвращаться в лавку Суини. Сёстры оправились от болезни, маменька нашла работу, устроившись прачкой. Но Роберт не отпустил меня. В ногах валялся, руки целовал, выпрашивая прощение, клялся в любви, заверял, что пальцем ко мне больше не прикоснётся, если я сама не захочу.

И я сдалась. Даже, дура такая, согласилась ни о чём не рассказывать своим близким и его отцу. Поверила. А Роберт и в самом деле изменился. Перестал смотреть на меня этим своим жутким, прожигающим до костей взглядом. Был предельно вежлив. Не пытался схватить или поцеловать.

Месяца три или четыре.

Второй срыв у Роберта случился, когда ему показалось, что я заигрываю с нашим курьером. Выждав подходящий момент, он затащил меня в свой кабинет, где, словно полоумный, сверкая глазами и рыча, принялся рвать на мне одежду. Боюсь представить, чем бы всё закончилось, если бы дедушка Суини не вернулся в лавку и не помешал своему сыну совершить насилие.

Самый старший из Суини был чудесным человеком. Сильным, добрым, заботливым. Он вырастил троих детей, женил сыновей, дочь выдал замуж, дождался внуков. И, увидев в тот день, во что превратился его старший из сыновей, упал с сердечным припадком.

Это тут же отрезвило Роберта. Позабыв обо мне, мужчина побежал за целителем для отца, а я, спрятав под плащом разорванное платье, решительно отправилась за стражником. Сказать честно, с жандармами я не очень дружила, но и спускать Роберту с рук то, что он едва меня не изнасиловал, не хотела.

В жандармерии был самый настоящий цирк с конями, и пожилой жандарм с лохматыми бакенбардами, пыхтя от усталости, взмолился:

– Милая барышня, я правильно понял, что насилия не случилось?

– Предлагаете подождать, пока случится? – насупилась я.

– Воля ваша! Нет, конечно. Но сами видите, какой у нас сегодня тут бедлам. Свадебного мошенника задержали. С поличным взяли подлеца, а невеста и её родные ни в какую не хотят нам верить, притащились в участок всем табором. Ну, что я объясняю? Вы же не слепая. Давайте так. Ступайте сегодня домой, отдохните, успокойтесь, а завтра утречком уже возвращайтесь. Часиков в восемь, в это время у нас обычно тихо, как на кладбище. Я заявление у вас приму, расскажу, как оно дальше будет. Договорились?

Я нехотя кивнула. А что мне ещё оставалось?

А вечером ко мне заявился Роберт с огромным букетом белоснежных роз.

– Жене своей этот букет отнесите, – проговорила я, поглядывая с опаской, но всё же понимая, что при матери и сёстрах он не отважится на насилие. – А лучше верните цветочнице. Когда вас упекут в каталажку, ей понадобится каждая монета.

– Я люблю тебя, – мрачно признался он. – Так сильно, что сам пугаюсь.

– Уходите немедленно!

– Я ведь рано женился. Она была дочерью папиного друга. Они всегда мечтали породниться и...

– Зачем вы мне об этом рассказываете?

– Она сухая. От неё же слова доброго не добиться. Глаза, как у рыбы. Но у нас трое детей, и я не могу её бросить. Хотя, видят Предки, ни о чём так не мечтаю, как о том, чтобы её не стало. Тогда мне не пришлось бы унижать тебя статусом любовницы, а сразу назвать женой.

Кто-то из сестёр, подслушивающих из коридора, громко ахнул, а я закатила глаза.

– Вы сошли с ума?

– Давно, – даже не стал отпираться Роберт. – Как тебя увидел, враз со всеми мозгами и расстался.

– По доброй воле я никогда не стану вашей. Ни любовницей, ни женой. Вы мне не нравитесь. Я вас боюсь. И я завтра несусь в жандармерию заявление.

– Мадди!

– В этот раз вам помешал дедушка Суини, а что, если в следующий вы...

– Обещаю, что больше... – осёкся, когда я покачала головой.

– У отца большое сердце, – после короткой паузы произнёс Роберт. – Оно не выдержит, если меня отправят в исправительный дом. Подумай об этом.

Я глянула на него с ненавистью, а он пристроил букет на нашем обеденном столе, развернулся и, больше не говоря ни слова, ушёл.

А дней десять спустя в нашем доме появился дедушка Суини. Он был немного бледен после болезни, но держался уверенно. Извинился передо мной за поведение сына. Сказал, что в лавке Роберт больше не работает, и что ко мне он больше никогда не приблизится.

– Вы так в этом уверены?

– Я был у мага, – ответил старик. – Заклинание было не из дешёвых, но пока я жив, Роберт не то, что навредить, он даже приблизиться к тебе не сможет. Вернись на работу, Мадди, если она тебе всё ещё нужна. И прости меня за то, что вырастил сына подлецом.

Не зная, что сказать, я обхватила себя руками за плечи.

– А если не хочешь больше на меня работать, я пойму, – продолжил он. – Мы тебя куда-нибудь устроим. Не останешься без дела...

И я вернулась в лавку. Поначалу было страшновато, но Роберт и в самом деле появлялся редко, не подходил ко мне, не заговаривал, только смотрел этим своим страшным взглядом да скрежетал зубами.

А спустя полтора года погибла его жена – утонула, катаясь с подругами на яхте, и ещё до похорон Роберт прислал мне письмо, в котором предлагал занять освободившееся место. Я даже отвечать не стала, впрочем, он, кажется, ответа не ждал. Уехал из города. Исчез. Я даже почти сумела о нём позабыть, но потом умер дедушка Суини, и Роберт вернулся.

К тому времени маменька и сёстры уже перебрались на Предельную, чтобы вступить во владение конюшней, а я осталась в столице, уж больно мне нравилось работать в лавке дедушки Суини. И жалованье было более чем хорошим, и хозяева замечательные и, главное, мечта. В ней, как ни крути, моя кофейня находилась в сердце Империи, а не в её печени, не в почках и уж точно не в заднице...

С Робертом я встретила на оглашении завещания, и с первого взгляда поняла, что ничего не изменилось. А спустя полчаса мои подозрения подтвердились.

– Что скажешь насчёт времени для нашей свадьбы? – спросил он, улучив момент, когда я останусь одна. – Весной или летом?

– Вы бредите?

– Отнюдь. – Он скупо улыбнулся. – Отца больше нет. Не подумай, что я не горюю. Очень горюю. Никто не знает, как сильно я его любил, как благодарен ему был за всё, что он для меня сделал. Однако он умер, и между нами больше нет никаких препятствий.

Этот человек сумасшедший. Отчего он до сих пор не в доме для душевнобольных?

– Главным препятствием был не дедушка Суини, – напомнила я. – А моя личная неприязнь к вам, господин Роберт. Мало того, что я вас не люблю, вы мне даже не нравитесь.

О том, что я его презираю, говорить не стала. К тому же он тихо и совершенно искренне рассмеялся. Посмотрел на меня с умилением. Точно таким же взглядом маменька смотрит на Линни, когда та начинает рассуждать о том, как устроен мир. А мне и от этого взгляда, и от смеха, а, главное, от слов, которые Роберт произнёс, стало дурно.

– Ты слишком юна, малышка, чтобы рассуждать о любви. И даже не знаешь, что это такое, но я тебя научу. О, с превеликим удовольствием. Так весной или летом?

Не желая тратить слова, я просто покачала головой.

– Значит, весной. – Обрадовал меня Роберт. – Скажем, в середине апреля? Или в марте, на День цветущей вишни? Это было бы символично.

– Я не...

– Даю тебе времени до утра... – Не дал мне договорить. – Даже до вечера завтрашнего дня. Я не плохой человек, малышка. Знаю, у нас всё не очень красиво началось, но я изменился, осознал и подготовил кое-какой стимул, который поможет тебе принять правильное решение.

– Что?

– Вот.

Он протянул мне папку. Картонную, серую, перетянутую синей лентой. А когда я потянулась, чтобы взять её из его рук, перехватил мою ладонь и, склонившись, прижался прохладными, немного влажными губами к моему запястью.

– До завтра, любовь моя. Не представляешь, как мне тяжело с тобой расставаться. Сейчас, когда мы, можно сказать, воссоединились после долгой разлуки.

До дома я не дотерпела, и, забравшись на чердак дома семейства Суини, развязала синюю ленту. И совершенно обалдела от прочитанного.

Нет, Роберт был не просто влюбившимся в меня психом. Он был одержим мною. Как иначе объяснить тот факт, что он не поленился раскопать всю историю моей семьи. Все маменькины браки, настоящие и не очень. Моё воровское прошлое. Дафна, оказывается, в прошлом году хотела сбежать с молодым гусаром из Императорского почётного караула. Лейла украла в булочной возле нашего дома булку пшеничного хлеба, была поймана сыном хозяев и отпущена в обмен на поцелуй. Поймаю поганца, руки оторву. Это какой сволочью надо быть, чтобы на ребёнка покушаться!

В общем и целом, картина выстраивалась неприятная: пока я работала изо всех сил, чтобы вытащить свою семью из нищеты, девчонки совсем отбились от рук. Ну а чего было ожидать, если в нашей семье, сколько себя помню, главой была я. Я настаивала на том, чтобы девочки учились. Я следила за тем, чтобы они перед сном и утром чистили зубы. Я их за уши драла, когда они баловались. И, конечно, именно я виновата в том, что они всё-таки отбились от рук.

Именно я, не маменька.

Маменька у нас немножко не от мира сего, но...

Но обвинять её в том, что она распутная женщина, как это сделал Роберт Суини! Говорить, что эта женщина не имеет права воспитывать девочек, подавая им дурной пример! Угрожать мне, что сестёр отправят в приют. О! Поганец знал, на что давить. А ещё очень сильно заблуждался на мой счёт. Я неслабая, неглупая и, что важно, очень сильно люблю сестёр и маменьку, и чтобы какой-то мерзавец угрожал их благополучию? Нет. Не бывать этому.

Я заскочила домой лишь на три четверти часа, чтобы собрать самые необходимые и близкие сердцу вещи, в ближайшем отделении банка получила всё то, что причиталось мне по завещанию дедушки Суини, купила билет на дилижанс до Триволи, оттуда кебом добралась до Усека, в Усеке пересела на дилижанс до Уезда. В уезде села на дирижабль и долетела до Крибета, а уже там пересела на прямой поезд до Фархеса.

Поезда в Империи появились не так давно, но сразу стали популярными среди самых бедных слоёв населения. Оно и понятно, богачи от грязи дыма «железной дороги» предпочитали подалее держаться. Билеты тут не были именными, а народу в узкие душные вагоны набивалось столько, что при всём желании никто бы не смог меня отследить.

И не отследил, пока местная газетёнка не опубликовала пасквиль за авторством говнюка Салливана Туга.

Сказать честно? За три года в Фархесе я ни разу не вспомнила о Роберте Суини. О дедушке, о его младшем брате и сестре, об их детях очень часто вспоминала. А вот о нём – ни разу. И вот сейчас, глядя на то, как торжествующая улыбка расцветивает его обычно холодное лицо, я подумала, что напрасно убежала тогда. Надо было ещё тогда не трусить, а взглянуть своим страхам в лицо. Теперь же, если вспомнить мой прошлый побег, боюсь, проблем у нас только прибавится.

Потому что честные люди от правосудия не бегут. И потому что у фру Тауни, урождённой Сесиль Кланси, есть козырь в рукаве. Не просто козырь – джокер. Мне бы, конечно, не хотелось его использовать. Нет, не так. Я бы не стала привлекать его внимание к нашей семье, но если придётся... Если придётся, то всякие гнусные шантажисты костей своих не соберут.

Это – во-первых.

А во-вторых, больше я не буду бегать! Дом мой теперь здесь, на севере Империи, здесь у меня друзья и любимое дело. Здесь у меня семья. Здесь мы все счастливы – и мы отсюда не уедем!

Скользнув взглядом по надменной физиономии Роберта Суини, я распрямила плечи и, даже не сбившись с шага, продолжила свой путь.

Он налетел на меня ураганом. Схватил за руки, сжал плечи, прижал к себе и, задыхаясь, словно от долгого бега, простонал:

– Какая же ты стала, маленькая моя! Совершенство.

Каждый раз, когда этот человек прикасался ко мне или просто говорил, на меня накатывала тошнота. Вот и сегодня до горечи во рту стало противно.

– Во имя Предков, Роберт! Ну, сколько можно? – взмолилась я. – Когда ты меня уже оставишь в покое? Пусти...

Я оттолкнула его и осторожно отступила на шаг.

– Ты мне противен. Слышишь? Противен. Меня от тебя тошнит.

– Такая взрослая стала, – прошептал он, совершенно не слыша моих слов. – Я так соскучился...

И вдруг рванулся ко мне и схватил, зажимая ладонью рот. А я замычала, пытаюсь сбросить с себя его руки, протестуя и теряя уверенность в том, что мне по плечу любые невзгоды, а Роберт, словно позабыв о том, где находится, совершенно сошёл с ума. Его не волновали ни лёгкий морозец, ни возможные свидетели этого бесчинства, ни моё мнение. Впрочем, оно его и раньше не интересовало. Сейчас же мужчина полностью потерял контроль над собой и, просто не замечая моего сопротивления, будто животное обнюхивал меня, слизывал солёный запах страха с моих щёк, порывая и издавая такие пугающие звуки, что если бы не ладонь, закрывающая мне рот, я бы в голос орала от ужаса.

– Фру Тауни, у вас всё в порядке?

«А что, не видно?» – в отчаянии мысленно воскликнула я и скосила глаза, чтобы рассмотреть, кто способен задать столь глупый вопрос.

Шагах в десяти от нас остановился парень в мундире щитодержца. В силу возраста он никак не мог принадлежать к офицерскому составу, а отсутствие отличительных знаков говорило, что в замке он всего лишь курсант. Тощий, с меня ростом, казалось бы, какую помощь он может оказать... Но я-то знала, что в Орден берут только магов. И даже этот вот мальчишка,

который выглядел не старше моей Линни, без труда свинтит десяток Робертов Суини в бараний рог.

Вот только мой навязчивый поклонник об этом, кажется, позабыл. Ну, или, как любят писать в нежно любимых маменькой романах: «Страсть помutilа ему рассудок».

– Иди, куда шёл! – огрызнулся Роберт и, глянув по сторонам, толкнул меня в сторону узкого закутка между двумя домами. И очень напрасно, потому что в следующий миг в воздухе запахло грозой и по удерживающим меня рукам пробежались голубоватые искры неизвестного мне заклятия.

Роберт взвыл не хуже ужаленного в задницу борова и отшатнулся, глядя на меня бешеными глазами.

– Фру Тауни. – Прекрасно понимая, что в ближнем бою ему не совладать с противником, орденский курсант держался в стороне. – Идите ко мне скорее, чтобы я вас в случае чего не задел.

– Мадди, не смей! – прорычал Роберт, кажется впервые за всё время нашего знакомства, назвав меня по имени. Но я его, конечно же, не послушалась. – Вернись!

– Иди ты к демонам, – бросила я, торопливо подбирая юбки. – Видеть тебя не могу, постылый.

– Он вам ничего не успел сделать? – встревоженно спросил парнишка из Ордена, когда я оказалась возле него. – Хорошо, что я мимо проходил. . .

– Даже не знаю, что бы я без вас делала! – Со всей искренностью выдохнула я и внезапно икнула. От облегчения, наверное.

– Мадди!

Роберт бросился за мной в погоню, но в этот раз молодой маг уже не боялся мне навредить и шархнул по моему преследователю чем-то таким забористым, что от его одежды повалил густой дым.

Тем временем двери в доме на другой стороне улицы отворились и на брусчатку, торопливо сдирая с себя форменный фартук, выкатился молочник Ипполит. Круглый мужчина с добродушной улыбкой и самым дорогим молоком по эту сторону гор.

– Что удумал мерзавец! – на бегу пыхтел он. – Я из окна видел. Боялся, не успею. Ох... Мадди, милая, он тебя не сильно помял?

Я покачала головой и некрасиво всхлипнула. Честное слово, уж лучше бы икала!

– Испугалась только сильно.

– Я в своём праве! – выкрикнул Роберт и вновь шатнулся в мою сторону, но замер, когда маг поднял руку. – Она моя жена!

Да сколько можно!

Ипполит с растерянностью во взгляде посмотрел на меня. И я подумала, а вот интересно, если бы я и в самом деле была женою Роберта, бросились бы эти двое меня спасать?..

– С жёнами так себя не ведут, – уверенно проговорил маг, а молочник поддакнул:

– Да и не с жёнами не ведут. Вяжи его, малец. Бургомистр пушай разбирается, кто тут кому жена, а у нас в посёлке насильничать мы не позволим.

Провёл ладонью по моей мокрой от слёз щеке.

– Он же тебе не муж никакой?

– Почти муж! – отказывался сдаваться Роберт, пока его вязали магическими путами по рукам и ногам. – Жених!

– В портках расписных... Служивый, заткни ему и рот заодно, а то слушать тошно.

Мой давнишний кошмар закрипел зубами в бессильной ярости и так выразительно на меня посмотрел... Может, до него всё-таки дошло? Может, теперь он оставит меня в покое?

– Сам пойдёшь или велеть мальцу, чтобы он тебя магией до дирижабля волок? – брезгливо кривясь, спросил у Роберта Ипполит.

– Ой! – воскликнул маг, в испуге распахивая глаза. – А у меня с левитацией вообще-то не очень... Быстро концентрацию теряю, могу уронить...

Я злорадно сверкнула глазами, но Роберт всё-таки решил больше не сопротивляться и пошёл сам.

Везти повязанного преступника в Фархес планировалось на дирижабле, поэтому первым делом я отправилась на ковёр к капитану Дрозеру и, как на духу, во всём созналась. Рассказала и о своём прошлом, и о маменькином, и об угрозах со стороны Роберта Суини, и о шантаже.

Капитан слушал, не перебивая, а когда я закончила свой рассказ, не осудил ни словом, ни взглядом.

– Ну, то, что у тебя, птенчик, детство не из самых простых было, я уже давно понял, – только и проговорил он. – А то, что ты у кого-то когда-то кусок колбасы украла, чтобы самой не помереть и сёстрам не дать – это, как по мне, тебе не в упрёк, а в заслугу ставить надо.

– Но...

– Но лучше об этом никому не рассказывать, тут ты права. Особенно сейчас, когда твоё имя на слуху. Сама знаешь, как в наших местах бывает.

– Как?

– А так. – Капитан подмигнул мне и, немного наклонившись вперёд, хулиганисто улыбнулся и прошептал:

– Что если я, к примеру, на Предельной пёрну, в Фархесе скажут, что обосрался.

И смачно захохотал, хлопая себя по коленям, когда я возмущённо охнула.

– Не злись. Грубовато, согласен, но зато точно. Теперь понимаешь, к чему я веду?

– К тому, что Роберт своим появлением подольёт масла в огонь?

Мужчина кивнул и добавил:

– И к тому, что никто не станет разбираться, кто из вас двоих виноват. Тебе это надо накануне слушания?

Мне это и после слушания было нужно, как зайцу пятая нога, но вряд ли у нас с Робертом получится договориться.

– Так что же мне делать? – огорчилась я.

– А ничего, – совершенно не логично ответил капитан. – Недоноска этого мы на ласточку мою брать не станем, оставим в охранке на Предельной. Ты же знаешь, у них тут своего участка нет, а по всем нарушителям отчёт в Фархес отправляется раз в седмицу. Сегодня. И этого, твоего, в сегодняшнем отчёте точно нет.

– Нет, – согласилась я.

– И появится он там только через семь дней. Даже через восемь, если я, допустим, в пути задержусь. Так? – Я кивнула. – Ещё седмицу местные будут ждать ответа из Фархеса, потом, когда придёт приказ о переводе, искать случая переправить подонка в острог. Дилижансом же его не отправишь, там же честные граждане, дамы, к себе я его взять не могу, у нас специальной каюты нет. Не перевозим мы преступников. А это, считай, ещё дней десять. И что у нас получилось?

– Что? – почему-то шёпотом спросила я.

– А то! – Капитан Дрозер легонько щёлкнул меня по носу, и я неуверенно улыбнулась. – Что если очень постараться, то шантажист этот до властей только к концу твоего слушания и доберётся. И поверь моему слову, детка. Ещё радоваться будет, что жив остался. Тутешние мужики страх до чего насильников не любят. Особенно, если эти столичные щёголи на *наших* барышень слюни пускают, да руки распускать пытаются.

– Ох... Я даже не знаю, что сказать, капитан.

– Одного «спасибо» и пары булочек с клубникой будет вполне достаточно, милая, – под-сказал он, и пока я не бросилась ему в ноги с благодарностями, предупредил:

– Но на всякий случай всё же поищи запасной вариант. Уж слишком много людей в нашем плане задействовано. Не дай магия, где-нибудь кто-нибудь ошибётся, проговорится, продастся, да мало ли что! Ну, ты меня понимаешь.

– Да-да! Конечно! – закивала я, но сама, если быть до конца честной, и близко не представляла, о каком таком запасном варианте судачит капитан. Наёмного убийцу найти, что ли? Даже не знаю. К *такому* я точно не готова!

Пока.

В Фархесе я первым делом заскочила в ювелирную лавку: Анна, дочь Шарлотты Нейди-Остин, предлагала мне пожить у неё, пока мои «временные неурядицы рассосутся», и я решилась воспользоваться её гостеприимством.

После радостной встречи и объятий (обнимали меня главные сладкоежки этой семьи: дети и мопс по кличке Сосиска), я убежала в судебную канцелярию, где меня заставили написать официальное прошение на имя бургомистра о дозволении забрать личные вещи из арендованного мною кафе и квартиры. Потратив на бумажные проблемы больше трёх часов, я вышла на улицу с гудящей от усталости головой и крайней степенью раздражения, потому что конкретных дат мне никто так и не сказал.

Я-то, наивная, надеялась, что мне скажут, когда я смогу зайти в свой дом, а в итоге мне даже не ответили, как скоро моё прошение дойдёт до бургомистра.

– По закону на рассмотрение прошений у системы есть тридцать дней, – сообщил мне тощий, как сухарь, очкастый секретарь канцелярии. – Так что особо ни на что не надейтесь.

– Глупость какая! – возмутилась я. – До тридцати дней? Да я с такой скоростью разбирательства дождусь!

– Все претензии можете отправлять в столичный офис или на имя Его Величества Императора Лаклана Освободителя. Вам дать адрес?

– Спасибо, у меня есть!

Мысленно проклиная демоновых крючкотворов, я выскочила на улицу и сама не заметила, как добежала до дома Анны.

Смеркалось. Лавка, занимавшая первый этаж, ещё была открыта, но наверху, в жилых комнатах, уже зажглись огни. Приятный тёплый свет в незашторенных окнах согревал сердце даже на расстоянии, но отчего-то захотелось плакать. Я внезапно почувствовала себя ужасно усталой и такой одинокой-одинокой, словно в целом свете у меня не было ни одной живой души, которая бы волновалась обо мне, ждала, зажигала фонарь на крыльце, чтобы я не потерялась в темноте, возвращаясь домой.

И даже несмотря на то, что это было не так, я не смогла сдержать слёз, спряталась в беседке за домом ювелира и отчаянно разрыдалась, отчаянно жалея себя. Плакала я редко, но всегда основательно, пока голос не становился густым и низким, как у старого гвардейца, глаза не превращались в узкие щёлки, а нос в красную картофелину.

Обычно в такие моменты я старалась спрятаться ото всех, запиралась в своей комнате, накрывалась одеялом с головой, или убегала куда-нибудь подальше, но сегодня я чувствовала себя такой измотанной, что не было никакого желания играть в прятки.

Так что нет ничего удивительного в том, что минут тридцать спустя в беседку, где я неуклюже пыталась укрыться от мира, прокралась Анна. В одной руке она держала плед из магшерсти, а во второй – кружку горячего молока с мёдом и корицей. Я по запаху узнала.

– Мадди, – с укоризной обратилась ко мне она, – ну что же ты тут, на холоде? Заболеешь ведь.

– Ай, – всхлипнула я, принимая из её рук напиток. – Мне уже всё равно.

– Глупенькая, нашла из-за чего слёзы лить! Главное ведь не то, что о тебе говорят, а то, какая ты есть на самом деле. – Анна была старше меня лет на пять, а мудрее – на триста. Не представляю, как у неё так получалось. – Ты ведь и сама это прекрасно знаешь.

– Знаю. – Я ещё раз всхлипнула, на этот раз от облегчения, когда тепло от наброшенного на мои плечи пледа разлилось по телу. – Устала просто.

– Тогда идём отдыхать. И не вздумай противиться! Мои дети влюблены в тебя и твои десерты. О мороженом я вообще молчу! Ты нужна нам счастливая и здоровая.

Я с удовольствием отпила из кружки и, чувствуя, как пряная молочная сладость разливается по языку, пробормотала не своим голосом:

– Со счастьем могут возникнуть проблемы...

– Какие проблемы?

Я махнула рукой.

– Ну, ты же знаешь... – Нет, со слезами надо завязывать, голосок у меня был такой, что я сама себя боялась. – До суда по моему делу почти четыре седмицы. Вещей у меня нет, дома нет, работы нет. Ой, молчи! Даже слушать не хочу! Представляешь, что от моего дела останется, если я кофейню всё это время закрытой держать буду? А репутация?.. А если я проиграю?..

– Не проиграешь!

– А вдруг? В этой жизни, у кого деньги – у того правда. Я против Салливана Туга – ноль без палочки. Растопчет и не заметит...

Анна задумчиво посмотрела на меня, а потом вдруг воскликнула:

– А ведь ты права!

– Что?

– Я про «ноль без палочки». Знаешь, Мад, что тебе сейчас нужно больше всего?

– Коробочка яду?

– Покровитель! – рассмеялась подруга, а я скривилась. Покровитель? Серьёзно? После того, как Сал вывалял моё имя в грязи, после Роберта с его претензиями, да я всех мужчин буду десятой дорогой обходить! Какой покровитель?

Анна легко считала все эти мысли с моего лица и рассмеялась.

– Не корчи рожи, Мад, тебе не идёт. Быстро допивай молоко и дуй в дом, я уже велела приготовить для тебя ванну. И не вздумай мне реветь – накажу.

– Как тебя только дети терпят, тиранка.

Плакать мне и в самом деле расхотелось. Я приняла ванну, насладилась ужином в комнате, и весь следующий день – красивая и отдохнувшая! – развозила клюкву в сахаре по городу, и вместе с Аннинными детьми пекла печенье.

А ещё день спустя в доме ювелира появился он. Покровитель. И сердце моё как-то странно шевельнулось в груди в ответ на его ясный взгляд из-под выгоревшей от солнца чёлки и на мягкие ямочки, появлявшиеся на щеках, когда он улыбался.

Глава 4. Медовуха, мысли вслух и вдруг

Маленькая стрелка часов на городской ратуше неспешно преодолевала расстояние между девятью и десятью, когда мы с Магдаленой, оставив за спиной Центральную площадь, свернули на Голубиную улицу, где располагались одни из самых престижных лавок города.

Чистильщик обуви установил свою колодку у лавки сапожника. Хозяин лавки, лениво потягиваясь, вышел на крыльцо, чтобы полюбоваться на свою новую вывеску – огромный сапог красного цвета, который ещё не успели загадить городские птицы. Цветочница, свернувшая на улицу за несколько минут до нас, разговаривала с какой-то дамой возле магазина готового платья. Перед аптекой стайка мальчишек играла в марблы. Один из них, заметив нас, встрепетнулся, отряхнул испачканные колени и, схватив валявшуюся рядом стопку газет, бросился в мою сторону.

– Купите газетный листок, барич! – заорал он, размахивая передо мной местной передовицей. – Свежий, только что из типографии, ещё даже краска высохнуть не успела!.. Купите, господин маг!

– Дай сюда. – Я вложил в маленькую ладонь три медяка, а газету сложил пополам и затолкал в карман, вообще-то не планируя её читать. – Вы почему не на занятиях, сорванцы?

Городские дети, в отличие от тех, что жили на принадлежащих замкам землях, школу посещали регулярно. В Фархесе их было целых четыре: государственная общая, при храме и две частных, одна для мальчиков и одна для девочек. В деревне, что выросла под стенами Орденского замка, школа тоже была, вот только местные дети в ней были несчастными гостями.

– Так траур, господин маг, – ответил пацан, старательно пряча монеты в пришитый к внутреннему карману бархатный мешочек. – Мастер Туг же помер. Неужто не слышали?..

– Лодыри.

Окно над аптечной лавкой распахнулось, и на улицу высунулась старуха в синем чепце.

– Ты чего к господину пристаёшь, паршивец? – выкрикнула она и погрозила маленькому газетчику сухоньким кулачком. – Вот я тебе! А ну-ка, живо отсюда!

– Старая карга, – проворчал мальчишка, показал старухе язык, пронзительно свистнул, призывая своих товарищей, и, отчаянно улюлюкая, вся компания умчалась вниз по улице. Пробегая мимо Магды, один из них прищёлкнул языком и послал моей спутнице воздушный поцелуй, выкрикнув:

– Эй, крошка! Персики у тебя, что надо!

Магдалена возмущённо ахнула, прикрывая руками декольте, а я захохотал.

– Нет, ты видел? Видел?

Она попыталась найти сочувствие в моём лице, но нашла там только веселье и, пожалуй, зависть. Кто бы знал, с каким удовольствием я сейчас сыграл бы партейку в марблы, а потом пробежался по улицам, глаза на местных красоток и совершенно не переживая по поводу того, что от маменьки достанется на орехи за то, что удрал из дому на целый день.

– Розги по вам плачут! – крикнула в спину сорванцам Магдалена. – Ну! Что ржёшь, как конь на плацу?

– Я не ржу. – Взял приятельницу за руку и поцеловал затянутую в бархатную перчатку ладонь. – Просто у пацана глаз-алмаз. Персики у тебя и в самом деле что надо.

– Брэд! – Она стукнула меня по плечу и решительно запахнула плащ.

– Ну не злись. Я же тебе ещё дома говорил, что твой наряд для Фархеса слишком... смелый.

– Скорей бы в столицу переехать, – пропыхтела в ответ Магда. – Здесь решительно никто не разбирается в веяниях моды. Никто не ценит моей красоты.

– Я ценю.

И мелкий прохвост тоже вон оценил. Нет, ну а чего она хотела, надевая платье с таким глубоким вырезом? Чтобы все восхищались красотой её небесно-голубых глаз? Воистину, даже самые умные из женщин иногда бывают невероятно странными.

– Не пыхти. Пойдём-ка лучше, познакомишь меня со своей протее. А то я слышал о ней много, даже шкаф специальный в подарок купил, в благодарность за оказанные Ордену услуги, а вот видеть как-то ни разу не приходилось.

Магда окинула меня придирчивым взглядом, поправила булавку на моём галстуке и, недовольно поджав губы, проинструктировала:

– Только не вздумай ляпнуть что-нибудь... про персики!

Я снова рассмеялся! Нет, всё же она прелесть, а не женщина!

– Ты мне ещё лекцию о том, как произвести на даму впечатление, прочитай! Идём. Будут тебе персики.

– Брэд!..

– Да шучу я, шучу!

Я потянул за бронзовое колечко, украшавшее дверь ювелирной лавки, и пропустил Магдалену вперёд. Вошёл следом, прикрывая за собой дверь, и скривился от досады, увидев, что мы не единственные посетители в лавке: у прилавка стояла леди Уолш с обеими дочерьми, баронесса Розалия Броудинг, лорд Бартоломео – глава городского совета, и Эрнест Стивенсон, глава единственной нотариальной конторы Фархеса.

– Дамы. – Я приподнял цилиндр, чтобы поклониться жене бургомистра и её спутницам. – Господа. Доброе утро. Встреча неожиданная, но, несомненно, приятная.

– Ах, Мэтр! – Персефона Уолш прижала руки к груди, которая едва не выпрыгивала из декольте, и посмотрела на меня влажным от неизлитой благодарности взглядом. – Вы как нельзя кстати! Подпишитесь под бойкотом.

Мне протянули свёрнутый в трубочку пергамент, и я с интересом заглянул в текст.

– Так.

– У нас маленький город, и прежде всего мы радеем за семейные ценности, – хорошо поставленным голосом проговорила леди Уолш. По всему было видно, что эту речь она толкала не впервые, ибо говорила она как по-написанному. Впрочем, почему как? Эта хорошо отрепетированная речь дословно повторяла текст вручённой мне бумажки. – Мы не потерпим в наших стенах разврат и мошенничество. Этой грязи нет места на наших улицах, пусть убирается туда, откуда пришла, а нас и наши семьи оставит в покое.

– Леди Уолш, вы очень сильно заблуждаетесь насчёт фру Тауни... – попытался отстоять своё мнение Теофил Сайпрус, хозяин лавки, но ему быстро заткнули рот.

– Даже имени этого слышать не хочу! – выкрикнула женщина и притопнула каблуком от злости. – Вы должны немедленно выгнать её на улицу. До тех пор, пока преступница живёт под крышей этого дома, мы отказываемся от ваших услуг. Тео, как вы можете? После всего, что она сделала...

– А что она сделала? – уточнил я.

– Но как же... – Все женщины посмотрели на меня так, словно я только что, прямо на их глазах, четвертовал новорожденного младенца. Мужчины тоже глянули с осуждением.

– Суда ведь ещё не было? – уточнил я, и Теофил Сайпрус сначала кивнул, а потом покачал головой. – В таком случае, леди Уолш, я бы не советовал вам называть фру Тауни преступницей. Она ведь может обвинить вас в клевете...

– Что? Меня?

– Ну, сами посудите. Это мы с вами знаем, что вы действуете из лучших побуждений и просто не способны оклеветать кого бы то ни было. Ведь так? – Дождался немного неуверенного кивка. – А бедная девушка может считать совсем иначе. В острог за неосторожные слова

вас, конечно, никто не посадит, но скандал может разразиться нешуточный. Чего доброго дойдёт до столицы.

Она побледнела до синевы.

Я замолчал, предлагая дамам и господам самим додумать, что случится, долети до ушей Императора известие о скандале. Он разбираться не станет, пришлёт в Фархес нового градоначальника, а лорда Уолша отправит доживать свой век в родовое имение. Кстати, где оно? Не та ли это заброшенная усадьба, что находится в трёх часах езды от замка в сторону гор?

– Не ожидала от вас, Мэтр, – наконец, проговорила леди Уолш, скользнув брезгливым взглядом по замершей возле моего плеча Магдалене. – Не ожидала. Девочки, не отставайте!

Гости шумной толпой высыпали на улицу, а я, дождавшись, пока за Эрнестом Стивенсоном закроется дверь, выбросил так называемый бойкот в корзину для бумаг, и улыбнулся Теофилу Сайпрусу. Мы не были близко знакомы, но раз или два я покупал у него украшения для сестры и маменьки. Для Магдалены не рисковал, заказывал из столицы.

– Напрасно вы, Мэтр, сунули палку в осиное гнездо, – покачал головой ювелир. – Мне-то на их угрозы плевать, они у меня мало покупают. Не нравится им мой провинциальный стиль. Так что их угрозы от меня, как от стенки горох, отскочат, а вам теперь не поздоровится. Языки у них – что те жала.

– Вот только бабских сплетен я ещё не боялся, – фыркнул я и огляделся по сторонам. – Но позвольте, где же виновница торжества?

– Мадди? Так они с Анной и леди Шарлоттой на рынок ушли. Вот-вот должны вернуться. А вы проходите. Леди Магдалена, прекрасно выглядите. Проходите на второй этаж, я распоряжусь, чтобы вам подали чай.

От чая я отказался. И пока Магда щебетала о чём-то с гувернанткой ювелирских детей, наблюдал за тем, как толстый серый кот за окном делает вид, будто ему нет никакого дела до суетившихся вокруг важной квочи жёлтых, как одуванчики, цыплят.

Словно солнечные бусины, цыплята катались по двору, стараясь не отходить далеко от мамы-курицы, деловито пытались копать ещё не до конца оттаявшую землю и со всех ног мчались к наседке по первому её зову. А кот сидел под кустом, небрежно перебирал передними лапами, обутыми в белые носки, поправлял манишку на груди и незаметно, как бы невзначай, смещался к центру двора...

Забавное зрелище!

Я птиц не люблю, но надо приказать, чтобы в замке тоже завели пару наседок: и от лишних расходов избавимся, и глаз радуется. Скотный двор у нас есть, даже скотнику жалованье платим не пойми за что. На кой демон у меня в замке вообще скотник?

Надо разобраться!

И птичник завести.

И птичницу.

Чтобы с косой и симпатичным личиком. Вот, хотя бы как у той лисички, что толкнула калитку на задний двор.

Девушка была в сером пальто и старомодном, будто украденном из маменькиной гардеробной, капоре, а длинная коса её (пушистый хвостик где-то на уровне ягодич заканчивался) пусть и отливала рыжиной, будто каштан на солнце, но на лисью шубку вовсе не походила. Поэтому я просто терялся в догадках, откуда возникло сравнение с лисой, но, раз возникнув, оно закрепится теперь в моём мозгу навеки. Уж я себя знаю!..

Да вон и цыплята со мной согласны: заметили лису и с оглушающим писком (мне даже сквозь двойное стекло было слышно) помчались прятаться к матери под крыло, а хитрый кот, наоборот, упитанным шаром выкатился под ноги, распушив и грудь, и манишку. За что немедленно получил порцию ласки и какое-то угощение из кармана симпатичной птичницы.

– Мадди, опять ты Голиафа подкармливаешь! – пожурила лисичку появившаяся во дворе Анна Сайпрус, хозяйка этого дома. Миловидная, чуть полноватая блондинка, с которой мне приходилось раз или два сталкиваться в доме Магды. – Он потом мышей ловить не будет.

– Аннет, не гневи Предков! – А вот и леди Шарлотта Нейди-Остин. Хозяйка самого известного в столице варьете. В Фархесе, правда, об этом никто и слыхом не слыхивал, да и я трепаться не стану. Страшно представить, что случится с беднягой Персефоной Уолш, узнай она про этот возмутительный скандал. – Голиаф не способен поймать даже собственный хвост. Мадди, детка, чем ты его там прикармливаешь?

– Имбирным печеньем.

– Ну, после того, как он сожрал целую миску солёных огурцов, меня уже ничем не удивишь.

Лисичка заразительно рассмеялась, а я отвернулся от окна и задумчиво посмотрел на Магдалену. Бывали в наших отношениях минуты, когда мне казалось, что она старше меня не на несколько лет, а на несколько десятков...

– Что? – Почувствовав мой взгляд, она подозрительно сощурилась.

– Ничего. – Подмигнул молоденькой гувернантке. – Ваша хозяйка вернулась. Наверное, дети захотят помочь матушке распаковать корзины с покупками.

– Ох, и правда! – встрепенулась девушка и, подхватив юбки, опрометью бросилась из комнаты, а я подумал, что у нас с Бренди гувернанток никогда не было.

Учителя вот были, да и тех не то чтобы слишком много: всем основам нас папенька с маменькой учили.

Фру Кирстин, повариха наша, тоже была. Такие сказки рассказывала, аж дух захватывало. Мы с сестрой не один вечер провели на кухне, слушая про приключения отважных рыцарей, про коварных злодеев и про Айю, принцессу-лису, которая днём была приёмной дочерью злого короля, а по ночам превращалась в лису и помогала своим подданным бороться с захватившим трон тираном. Про неё нам чаще всего приходилось слушать. И из-за неё мы с Бренди однажды чуть не подрались, ибо эта нахалка вздумала утверждать, будто «Принцесса-лиса» – это девчачья сказка.

Когда у меня будут дети, я им тоже гувернантку нанимать не стану. А то потом получится, что ты ей платишь за то, чтобы она за детьми смотрела, а она с хозяйскими гостями чай гоняет.

С лестницы до нас донеслись звонкие детские голоса, топот ног, женский смех и, наконец, двери открылись, впуская в гостиную Анну Сайпрус, леди Шарлотту и принцессу-лису. То есть, конечно, не принцессу, а просто лису. Лисичку Мадди. С глазами, зелёными, как у кошки, косой до пояса и... персиками. Или яблочками, это надо вблизи рассмотреть, чтобы разобраться, но если навскидку, то под этим невнятным платьем с двумя рядами пуговиц и отложным белоснежным воротником определённо скрывается что-то пленительное. И так мне вдруг захотелось узнать, что же именно там скрывается, что прячет лисичка за этим невинным взглядом и нарядом школьницы, что в паху потяжелело от отлившей от мозга крови.

Даже неловко как-то стало. Давненько на меня так юные девы не действовали. Лет с тринадцати, наверное.

Откашлявшись, я широко усмехнулся, надеясь, что за напускным весельем опытный женский глаз (это я про Магдалену) не заметит моего возбуждения, и шагнул вперёд, чтобы поответствовать хозяйку и выразить ей своё почтение.

– Леди Шарлотта, вы очаровательны. Леди Анна, рад, что вы принимаете меня в вашем доме. Фру Тауни... – Осёкся, натолкнувшись на настороженный взгляд. Тревожный. Опасливый. – Рад наконец-то покончить с заочным знакомством и представиться вам лично.

– Так вы знакомы! – всплеснула руками леди Нейди-Остин.

– Мэтр был так добр, что подарил мне морозильный шкаф, – вместо меня ответила Мадди, голосом мягким и тягучим, как мёд.

– Не подарил, а отблагодарил за услуги.

Следующие полчаса я был вынужден улыбаться и принимать комплименты. Своей щедрости, своему великодушию, своей храбрости. Когда разговор с морозильного шкафа каким-то причудливым образом перепрыгнул на накрывающий Бездну Щит, Шарлотта Нейди-Остин, как самая мудрая из присутствующих здесь женщин, внезапно хлопнула в ладоши и объявила:

– До смерти хочу чаю! Анна, Магдалена, помогите мне накрыть на стол.

Мудрая женщина с элегантностью носорога. Даже полный кретин догадался, зачем на самом деле она уводит лишние уши из комнаты. А я кретином не был, но вместе с тем мне откровенно не понравилась такая прямолинейность.

Искоса глянул на лисичку. Покраснела просто до слёз.

Стыдится, злится, а в глазах страх. Чего она боится? Что я наброшусь на неё? Заставлю силой принять помощь? Лисичка-лисичка, какой мерзавец тебя так напугал?

Шагнул к застывшей у подоконника девчонке, уверенный, что она в ужасе шарахнется в сторону. Но ошибся. Она не пошевелилась, застыла на месте, будто мраморная парковая статуя, только глаза стали больше, а полные губы побледнели. Кажется, Магда ошиблась, фру Тауни нуждается в гораздо большей помощи, чем это кажется на первый взгляд.

С трудом сдержав тяжёлый вздох, я произнёс:

– Моя подруга рассказывала мне о вас, фру.

– Мадейлин, – исправила она, отгаивая, но глядя по-прежнему с настороженностью. – И что она вам обо мне говорила?

Я мысленно усмехнулся, представив, какая реакция была бы у Мадейлин, расскажи я, что именно говорила мне Магда. А главное, какую роль в моём будущем бывшая любовница ей отвела.

– Немного. В основном, что вы попали в беду.

Она усмехнулась.

– О, в последнее время со мной это приключается с удручающей регулярностью.

– Я могу вам помочь?

Замялась. И снова настороженный взгляд из-под ресниц, словно пытается угадать, что мне от неё надо. Для начала, остановимся на доверии, а там – как карта ляжет.

– Не думаю, что мне есть чем расплатиться.

Я сглотнул. Богатое воображение, будь оно неладно, подбросила с десяток красочных картин, предлагающих варианты «расплаты». Не то чтобы я на это когда-нибудь пошёл, но кровь снова отлила к югу.

Чтоб меня!

– И правильно делаете, – хрипло похвалил Мадейлин. – Не думайте о ерунде. Мои люди любят вашу выпечку, и я хочу, чтобы вам и впредь ничего не мешало доставлять им эту маленькую радость. Поэтому предлагаю не ходить вокруг да около, а просто сказать, как именно я могу вам помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.